

АЛЕКСАНДРОВ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

НОВЫЙ
РОМАН
КЛАССИКА
НФ

УЖРОЙ МЕНЯ
ОТ ЗАМЫСЛОВ КОВАРНЫХ

Никого над нами

Василий Головачев

Укрой меня от замыслов коварных

«ЭКСМО»

2010

Головачев В. В.

Укрой меня от замыслов коварных / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2010 — (Никого над нами)

ISBN 978-5-699-42446-7

Если бы физику Роману Волкову неделю назад сказали, что ему придётся участвовать в секретной операции ФСБ, да ещё за рубежом, он бы не поверил. Но когда, выгрузившись с командой спецназа на маленький приполярный остров, Роман услышал призыв о помощи захваченного ЦРУ российского разведчика, сомневаться и философствовать стало недосуг. Как, впрочем, и выбирать, как жить дальше. Отныне в его руках оказалась Сила, способная защитить людей от коварных замыслов Поводырей, превративших уже не одну обитаемую планету в свою вотчину, способных лишить человечество будущего. Отныне он встал в ряды тех, кто оберегал это будущее, рискуя собственной жизнью...

ISBN 978-5-699-42446-7

© Головачев В. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Замысел первый	5
1	5
2	14
3	26
4	33
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Василий Головачев

Укрой меня от замыслов коварных

Замысел первый

1

Небольшой лодзийский аэропорт имени Владислава Реймонта встретил их запахами пыли и раскалённого асфальта. Несмотря на осень, температура здесь держалась днём под тридцать пять градусов по Цельсию, дождей не было больше недели, и природа увяла, не столько тронутая осенью, сколько измученная небывалой жарой.

Команду от аэропорта до гостиницы сопровождал представитель российского Спорткомитета, который оказался знатоком Польши. Пока автобус плыл в мареве жаркого воздуха по городу, он успел поведать историю Лодзи и обратить внимание гостей на все местные достопримечательности, мимо которых проезжал «Икарус».

Оказалось, что Лодзь – в переводе «лодка», «ладья» – впервые была упомянута как поселение в тысяча триста тридцать втором году, а в тысяча четыреста двадцать третьем получила городские права. Нынче же она являлась третьим по величине и значимости городом Польши, собравшим множество памятников старины.

Волейболисты поглазели на культурно-развлекательный центр «Мануфактура» – бывшую фабрику Израиля Познаньского, построенную в стиле необарокко, на Старинное кладбище, прокатились по центральной улице Пётрковской, где подряд располагались всевозможные монументы, от памятника Трём Фабрикантам до памятника Леону Шиллеру, и автобус остановился на улице Заходней, напротив недавно отстроенного Дворца спорта со своей гостиницей.

Расселились компактно, на одном этаже, по двое в комнате; впрочем, гостиница была маленькая, двухэтажная, хотя и вполне современная.

Собрались в холле, и тренер Василий Иванович повёл команду в спортзал для ознакомления.

Зал Волеславу Тимошенко – или, как его привыкли называть, Воле – понравился. Он вмещал около восьмисот человек и был оборудован по последнему слову науки и техники. Здесь даже была современная скай-система, позволявшая выводить на экраны спорные моменты игры – для облегчения судейства. В теннисе такие системы действовали давно, уже лет двенадцать, теперь их начали применять и в других игровых видах спорта.

– Час на обед, – сказал тренер, – два часа на ознакомление с городом. Потом – тренировка. Надеюсь, предупреждать о рисках неуёмного любопытства никого не надо?

Игроки переглянулись. Всем был памятен случай, когда в Италии в прошлом году, во время приезда на матч Мировой лиги, либеро команды Паша Тарасюк зашёл в местный бар, и его крепко поколотили приезжие албанцы.

– Не надо, – ответил за всех капитан команды Вадим Хомуцкий. На площадке он выполнял роль разводящего и был самым опытным игроком сборной.

– Разойтись.

Волейболисты зашумели и дружно рванули на улицу, вдохновлённые небольшой, временной, но – свободой. Многие отправились по магазинам, прикупить близким и друзьям сувениры.

Волеслав шопингом заниматься не любил. После обеда он в компании Славы Полтавина и Ромы Калашникова прошёлся по улице Пётрковской, разглядывая и обсуждая встречавшиеся достопримечательности. Больше всего гостей поразил памятник Рубинштейну – рояль из белого камня. Затем все трое завернули в кафе «Полония» недалеко от Пассажа, где располагалась Аллея Звёзд польского кино, отдохнули в прохладе от уличной жары, выпили по бокалу холодной пузырящейся минералки и вернулись в гостиницу.

Тренировка прошла хорошо. Игроки были полны решимости показать отличный волейбол и занимались с удовольствием, отрабатывая наиболее сложные и хитрые элементы игры. Остался довольным и суровый Василий Иванович, которого игроки меж собой называли Лютый Зверь. Он работал с главной командой страны уже третий год, вывел её в чемпионы Европы и не собирался останавливаться на достигнутом.

Пужинали вместе в ресторане гостиницы. Настроение у всех было хорошее, поэтому шутилось легко. Больше всех развеселил игроков доигровщик команды Эндрю Далинга, на ломаном русском языке рассказавший анекдот о муже, вернувшемся внезапно из командировки. Эндрю был сербом, но в России жил почти четыре года и успел принять российское гражданство. Игроком он был классным, парнем по натуре весёлым и доброжелательным, и слушали его с удовольствием.

Разошлись по номерам.

Волеславу достался в соседи по комнате Вадик Хомуцкий, человек серьёзный, строгих правил, не позволявший себе ничего лишнего и требующий такого же поведения от других. Воля знал его правила, поэтому о «посидеть тихо в ресторанчике» не заикался. Вадим мог настоять и на исключении игрока из команды. Лютый Зверь, несмотря на всю свою жёсткость и самодостаточность, прислушивался к его оценкам, потому что на площадке Вадим превращался в хитроумного, парадоксально – и при этом верно! – мыслящего человека, просчитывающего игру на несколько ходов вперёд. Короче говоря, ссориться с Хомуцким было себе дороже.

Впрочем, Воле это и не грозило, поскольку сам он тоже любил порядок и понимал, что такое режим.

Поговорили о Лодзи, о Польше, где Хомуцкий бывал не раз, о волейбольной сборной этой страны, являвшейся не слишком серьёзным противником для россиян, и легли спать.

Тимошенко уснул мгновенно. Человеком он был уравновешенным, волевым, сильным, всю жизнь заниматься волейболом не собирался, будучи по образованию специалистом по аэродинамике (год назад он окончил МАИ), и верил, что может достичь многого в любой области применения своих способностей. По мнению тренера, они у него были.

Утро началось без неожиданностей: зарядка, душ, завтрак в компании друзей. К двенадцати часам команда подтянулась к спортзалу. Игра начиналась в тринадцать ноль-ноль по местному времени.

Переоделись, размялись, вышли на площадку.

Зал был полон, несмотря на время проведения игры: четверг и в Польше был рабочим днём.

Волеслав бросил взгляд на трибуны, заполненные болельщиками, и ему показалось, что он буквально укололся о чей-то пристальный взгляд. Поёжился, поискал глазами обладателя взгляда, не нашёл и отвлёкся на церемонию представления команд.

Стартовый состав сборной Польши оказался не таким, каким его представлял Василий Иванович. По неизвестным причинам отсутствовал основной «угол» команды, линейный нападающий Марек Войцеховский, а также доигровщик Юлиан Сцевола. Вместо них тренер сборной выставил молодых малоизвестных игроков, что обещало создать интригу. В случае, если же команда Польши проигрывала сборной России, она не попадала в финальную стадию Мировой лиги.

Игра началась.

Российские волейболисты чувствовали себя комфортно, играли азартно, не теряя концентрации, и уже к середине партии ушли в отрыв на шесть очков.

Поляки сникли, хотя изредка проводили неплохие комбинации, как бы вспоминая свой статус вице-чемпионов Европы прошлых лет. Но гости не давали им шансов на блоке, контролировали ход игры, а главное – были быстрее во всех компонентах. Первый сет они выиграли со счётом двадцать пять – восемнадцать.

Начался второй. И вот тут Волеслав снова почувствовал колющий взгляд, подзабытый в суматохе игры. Первое время ему это не мешало, так как психика реагировала на любое движение противника абсолютно адекватно ситуации. Потом произошёл сбой в нападении из четвёртой зоны – Сёма Полтавин пробил мимо блока и мимо площадки, не забил «взлёт» центральный игрок Михаил Михалёв (которого игроки прозвали Махал Махалычем), и игра сборной России начала разваливаться.

К первому техническому перерыву они ещё вели со счётом восемь – семь, ко второму проигрывали шестнадцать – тринадцать.

Вадим Хомуцкий попытался перевести «базу» игры на доигровщиков Василия Тетюшко и Эндрю Далингу, однако не сработал ни пайп в исполнении Тетюшко, ни глубокий «эшелон», ни «крест» с плеча за спиной пасующего. Нападающие словно только что проснулись и лупили то в блок, то за пределы площадки противника.

Не лучше чувствовал себя и Волеслав, к ногам которого словно кто-то привязал гири. Он то и дело «укалывался» о ледяной взгляд неизвестного болельщика и бил в блок польской сборной как молотом о наковальню.

Вторую партию российские игроки проиграли со счётом двадцать пять – двадцать.

Точно по этому же сценарию начался и третий сет.

Лютый Зверь посадил троих «забойщиков» основного состава, в том числе и Тимошенко. Потом заменил разводящего. Однако ничего этим не добился. В команде произошёл заметный психологический слом, игроки начали злиться и чаще ошибаться. Игра слегка выравнялась, но догнать ушедших в отрыв хозяев площадки россияне не сумели. Сет закончился в пользу польской сборной.

Волеслав попытался обратить внимание тренера на внешнюю помеху, имея в виду обладателя колючего взгляда, однако Василий Иванович жёстко обрезал его, заявив, что они не воспитанницы пансиона благородных девиц и должны играть, а не искать оправдание своих ошибок на стороне.

Замены не помогли.

В четвёртой партии слегка отдохнувшие игроки основного состава снова вышли на площадку, завелись и даже долгое время шли вровень с поляками, «ноздря в ноздю», не давая им возможности выйти вперёд. Но и сами выдохлись в конце концов, тем более что в решающие моменты ошиблись и Сёма Полтавин с Далингой, и Волеслав, снова в прыжке наткнувшийся на острый «гвоздь» чужого взгляда.

Игра закончилась со счётом три – один в пользу сборной Польши.

Раздосадованные, взмыленные, ошеломлённые, ничего не понимающие игроки российской сборной молча направились в душ. Подбодрить их Василий Иванович не пытался, что говорило о его озабоченности и расстроенных чувствах. Он тоже не понимал, почему команда потеряла вдруг игровой настрой и буквально провалила три сета, несмотря на отсутствие в сборной Польши ключевых игроков.

«Разбор полётов» состоялся позже, до вечерней тренировки. Василий Иванович сжато объяснил неудачу команды психологическим провалом, указал ведущим игрокам на недопустимость расхлябанности, и тренировка прошла в более или менее спокойной обстановке. Комбинации игроки проводили слаженно и чётко, и к концу тренировки командой овладела былая уверенность в своих силах. Если бы игра состоялась прямо сейчас, российская сборная выиграла бы без вопросов. Как сказал Паша Тарасюк: «Мы бы их порвали, как Тузик – грелку!»

Волеслав был с ним согласен. Настрой у ребят был такой, что, будь у них противником действующий чемпион мира – сборная Бразилии, они выиграли бы и у него.

Вечером посидели в ресторанчике гостиницы под чай и свежевыжатые соки. Настроение чуть поднялось. Каждый чувствовал себя виноватым и готовился к следующей игре с удвоенной энергией: игры Мировой лиги проходили в принимающих странах по две, одна за другой, и через неделю сборная Польши должна была приехать в Россию, чтобы закрыть календарный план.

Ложась спать, Волеслав поделился с Вадимом своими ощущениями во время игры.

– Понимаешь, как иголку в голову засовывают!

Хомуцкий задумчиво поскрёб щетину на щеках (он не брился во время матчей) и признался, что тоже почувствовал недобрые эмоции болельщиков. Добавил с досадой:

– Но ведь дома им и стены помогают, это нормально. Просто мы расслабились не в меру, понадеявшись на лёгкую победу.

У Тимошенко было другое мнение, но спорить он не стал. Подумал, что и в самом деле неправильно было бы сваливать неудачу на таинственного обладателя острого взгляда.

Спал он хорошо, без сновидений. Психика пришла в норму, вернулась вера в светлое будущее, в способность изменить ситуацию к лучшему. В конце концов от проигрыша никто не был застрахован, команда переживала и более грустные времена и тем не менее сумела стать одним из лидеров мирового волейбола.

Утренний подъём тоже не предвещал изменений спортивной атмосферы. Настрой команды был таким, что даже Лютый Зверь остался довольным тренировкой, хотя никогда прежде не заострял внимания на психологическом состоянии игроков. Однако ситуация повторилась почти в деталях.

Игра началась в семь часов вечера по местному времени. Зал был полон. Российскую сборную поддерживали свои болельщики из числа туристов и посольских работников, но их было мало, поэтому голоса россиян тонули в дружном рёве польских зрителей.

Тренер польской команды выставил на этот раз самый сильный состав, включив в стартовую шестёрку ветеранов сборной Марека Войцеховского и Дэна Штясны. Но и они ничего не смогли противопоставить россиянам, игравшим с особой спортивной злостью и не допускавшим никаких ошибок и срывов.

Первую партию гости легко выиграли со счётом двадцать пять – шестнадцать.

А потом постепенно российская сборная начала сдавать позиции. То один, то другой игрок внезапно терял концентрацию и нелепо ошибался, причём не только в сложных ситуациях, требующих максимального сосредоточения, но чаще как раз в тех эпизодах, когда ничто не должно было помешать задуманному.

Не принял подачу Паша Тарасюк, хотя всегда подбирал такие мячи.

Не попал в площадку противника Вася Тетюшко, выполняя стандартный обманный удар.

Один в один угодил в блок Сёма Полтавин.

Лютый Зверь взял перерыв.

Игра выравнилась на какое-то время, потом снова начали накапливаться ошибки, нелепые и грустные, заставляющие болельщиков хвататься за голову и не добавляющие настроения команде. Но самое главное – потерял вдруг свою изобретательность главный разработчик комбинаций команды – пасующий Вадик Хомуцкий.

Вообще, в волейболе пасующий игрок является не просто комбинатором и затейником неожиданных ходов, он, по сути, заменяет полкоманды, представляя собой стратегический и тактический центры управления. Бывали случаи, когда довольно серые в творческом отношении команды пробивались в финалы престижнейших турниров, не имея так называемого «класса», только благодаря таланту разводящего.

В данном же случае получилось наоборот: «мозг» сборной России «поплыл», и её игра тут же рассыпалась, команда скатилась в позицию догоняющего, а потом и проигрывающего партнёра. Не помогли ни замены, ни перерывы, ни жёсткая риторика Василия Ивановича, пытавшегося расшевелить, встряхнуть игроков, повернуть их настроение в сторону спортивной злости.

Не лучше чувствовал себя и Волеслав.

На задней линии он действовал уверенно, хорошо принимал и отрабатывал в защите стандартные положения. Но стоило ему в нападении продемонстрировать великолепное владение телом, забить, сыграть так, как он умел, и уже в следующей комбинации он ловил на себе прицельный холодный взгляд, ритм атаки сбивался, руки переставали служить орудием, укладывающим «ядра»-мячи в площадку противника, голова слушалась плохо, и блок поляков легко находил его над сеткой.

Первую партию российская сборная выиграла, три остальные проиграла, несмотря на титанические усилия спасти игру.

Лютый Зверь вопреки своим схемам и планам обсуждать случившееся не стал, дождался игроков после душевой и даже успокоил команду своим спокойствием и отнюдь не лютым отношением к виновникам проигрыша. Сказал только на прощание, перед сном:

– Попробуйте понять, что произошло. Что помешало вам играть в полную силу. В Москве мы выиграем, я уверен. Но урок всем хороший. Отдыхайте.

Хмурые игроки проводили наставника виноватыми взглядами и поплелись в ресторан, перебрасываясь короткими репликами, всё ещё пребывая под впечатлением проигрыша. Вадим Хомуцкий предложил сесть всем за один стол и обсудить игру, но даже ему не удалось найти причину случившегося. Игроки были подавлены и участвовать в обсуждении не захотели.

«Маэстро» Вася Тетюшко заказал было вина, однако его не поддержали. Забываться в вине после неудач в команде было не принято, волейбол требовал иной жизни, далёкой от застолий и приятного алкогольного опьянения.

Наутро команду доставили в аэропорт, и в два часа дня по московскому времени игроки разъехались по домам.

Волеслав добирался до «малой родины» – он жил в Строгине, на улице Каткова – на своей машине, которую оставил в аэропорту Внуково на охраняемой стоянке. Верная «Ауди RS6» примчала его домой меньше чем за час. А уже вечером он собрался пригласить на ужин Виолетту, которую связывал с ним недавний роман.

Виолетта Рунас была дочерью известного бизнесмена Раймонда Рунаса, принявшего российское гражданство в начале века, работала у отца в его Центре информационных технологий и представляла собой самостоятельную особу, любившую гламурную жизнь. Она была современна, одевалась модно (деньги отца позволяли), часто ездила за рубеж – в Австрию, Францию, Италию, каталась на горных лыжах, играла в теннис и верила в легенду о том, что шейпинг поддерживает красоту фигуры.

Познакомились они в Москве, на матче клубных сборных «Искра» и «Динамо». Виолетта пришла посмотреть на игру вместе с подругой, которая была знакома с Махал Махалычем. После матча Махал Махалыч потащил игроков к себе домой, чтобы отметить победу, там Волеслав и увидел Виолетту, имевшую броскую внешность. Она была брюнеткой с фиалковыми глазами, смеялась красиво и притягивала взоры мужчин великолепной фигурой.

С тех пор прошёл год, Волеслав начал встречаться с девушкой часто и даже подумывал о свадьбе. Но она выходить замуж не собиралась, да и о любви не заговаривала, и Воля терпел, понимая, что не держит отношения с решительной и своенравной дочерью Рунаса под контролем. Она могла запросто остаться ночевать у него, а на следующий день укатить в Сочи с компанией подруг и друзей, не ставя его в известность.

На его звонок Виолетта радостно сообщила, что познакомилась с замечательным художником Пантелеем Кудесником и тот пригласил её в Финляндию писать северные пейзажи.

– Полетим вместе? – предложила она.

– Когда? – спросил озадаченный Волеслав.

– Послезавтра.

– У меня игра в среду с поляками, тренер не отпустит.

– Давай я его попрошу.

Волеслав засмеялся.

– Не надо показывать быку красную тряпку. Мы проиграли, и он рвёт и мечет.

– Жаль, отдохнули бы пару дней.

– Ты одна с ним летишь, с художником? – осторожно поинтересовался Волеслав. – Или с компанией?

– Не знаю ещё, – беззаботно ответила девушка. – Если Машка не согласится, полечу одна.

– Тогда приятного времяпровождения, – пожелал расстроившийся Волеслав и выключил мобильный.

Посидел на диванчике в гостиной, испытывая неприятное чувство ненужности, с трудом преодолел приступ ревности и решил больше Виолетте не звонить. Если она не понимала очевидных вещей, собираясь лететь в Финляндию с незнакомым художником «писать пейзажи», то встречаться с ней не стоило. Она слишком легко относилась к жизни и не считала себя связанной никакими условностями.

Вспомнилось давнее высказывание юмориста: как много девушек хороших, но тянет что-то на плохих.

Волеслав усмехнулся. С подругами ему действительно не везло. Те, кому он нравился, не нравились ему. Те, кого он обожал, его не жаловали.

Появилось желание позвонить Роме Волкову и «поплакаться в жилетку».

Рома был старше его на пятнадцать лет, закончил физфак МГУ, защитил диссертацию и работал сейчас в оптико-механической лаборатории, будучи специалистом по резонансно-волновым процессам. Кроме того, он занимался эзотерикой, был, по его словам, посвящённым в дела какого-то эзотерического сообщества и экстрасенсом. Волеслав звал его висвом – видящим суть вещей, хотя Роман предпочитал свои способности не демонстрировать. И при этом он действительно мгновенно разбирался в людях и видел все их болячки. К примеру, у Волеслава он вылечил намечавшуюся экстрасистолу, хотя всего-навсего, по его словам, «выправил энергетику» организма.

Они и познакомились через приятеля Тимошенко, когда тот позвал волейболиста к экстрасенсу. Кстати, Роман не приветствовал, когда его называли экстрасенсом.

– Извини, висв, – пробормотал Волеслав, набирая номер Волкова.

– Слушаю, – раздался в трубке густой баритон.

Волеслав невольно подтянулся: столько спокойствия и основательной уверенности нёс голос Романа. Воля и сам был очень спокойным человеком, но до Волкова ему было далеко.

- Евлампиевич, это я. Не откажешь встретиться?
- Когда? – последовал вопрос.
- Да хоть сейчас.
- Через час тебя устроит?
- Вполне. Если хочешь, приезжай ко мне.
- Уж лучше вы к нам, – хмыкнул Роман. – Жду в восемь.
- Хорошо.

Волеслав бросил трубку на диван, глянул на часы и начал собираться.

Роман жил на Беговой, недалеко от метро, поэтому к нему можно было ехать и общественным транспортом. Но Волеслав уже четыре года не ездил на метро, предпочитая свою синюю «Ауди», и во дворе дома Волкова появился без пяти минут восемь. Поднялся на шестнадцатый этаж, толкнул дверь.

Дверь была открыта. Хозяин запирает её на замок редко, только на ночь или когда уезжал по делам.

Тимошенко постучал костяшками пальцев по косяку двери.

Роман показался в двери гостиной, одетый в спортивные штаны и белую футболку с нарисованным на ней солнцем, махнул рукой:

- Проходи.

Волеслав снял туфли, сунул ноги в тапочки и прошёл в гостиную, отличительной особенностью которой были картины по стенам в простых рамках. Их рисовали пациенты Волкова, которых он «правил» (присутствовала также и картина Волеслава – космос, звёзды и сияние в форме запятой). Кроме того, везде – в нишах, на полках, на всех горизонтальных плоскостях – стояли многогранники, собранные из деревянных планочек и прутиков. Попав сюда в первый раз, Волеслав как зачарованный долго разглядывал творения хозяина (Роман клеил их самолично), требующие невероятного терпения и упорства. На вопрос: зачем тебе это надо? – Роман как-то ответил с тонкой улыбкой:

- Я так отдыхаю.

Впоследствии он признался, что конструирование многогранников не является для него хобби, это потребность, поскольку каждая форма по-своему структурирует пространство и помогает видеть ту самую скрытую «суть вещей», о которой Тимошенко в общем-то не имел никакого понятия.

- Кофе, чай? – предложил Роман, пакуя в папочку красного цвета какие-то листочки.
- Кофе.
- На ночь кофе не рекомендую.

– Давай чай, – согласился Воля, прислушиваясь к своим ощущениям: на улице царил жара, но по гостиной Романа бродили прохладные сквозняки, будто работал кондиционер.

Хозяин скрылся на кухне, вернулся с подносом, на котором стояли чашки, прозрачный чайник и разносортное печенье.

- Ты расстроен, – заметил Роман.

Волеслав хотел было пожаловаться на Виолетту, принимавшую необдуманные решения, но в данный момент это не казалось главным, и он поведал собеседнику историю с победой польской сборной.

Роман выслушал его внешне невозмутимо.

- Я фантазирую? – смутился Волеслав, берясь за ореховое печенье.
- Не думаю, – качнул головой Роман. – Твой случай не единичный.
- Шутить? – удивился Воля. – Тебе уже рассказывали подобные истории?
- Не мне. Уже набралась солидная статистика. Наиболее значительные события попали в прессу, хотя серьёзно их никто не просчитывал. – Роман похрустел печеньем. – С другой стороны, я, может быть, не знаю об этом.

– О чём?

– Олимпиаду в Китае помнишь?

– В две тысячи восьмом году? Я тогда в школу ходил.

– Китайские спортсмены все поголовно были подвергнуты нейролингвистическому программированию, превратившему их в зомби с высоким энергетическим потенциалом. Потому они и выиграли Олимпийские игры в общекомандном зачёте. В последующие годы ни один из китайских чемпионов не показал выдающихся результатов ни в одном из видов спорта.

– Здорово! Ну и что? Хочешь сказать, что поляков тоже зазомбировали?

– Нет, тут другой случай. Кто-то воздействовал на вас во время игры психофизически.

– Разве это возможно?

– Теоретически допустимо всё. Способ дистанционного психофизического воздействия называется психотронным манипулированием, а также, по-простонародному, отводом глаз и морочением. Он давно разрабатывается военными лабораториями и, вполне возможно, реализован материально.

– «Удав», – усмехнулся Волеслав.

– Что?

– Я читал какой-то роман, герои которого применяли генератор подавления воли – «Удав». Или «глушак». Фантастика, конечно.

– В наши нановремена реализуется любая фантастика. Однако есть и очень сильные волевые операторы, способные управлять людьми на расстоянии без всяких «глушаков».

– Ты серьёзно?

– Более чем. Вспомни опять же Олимпийские игры в Ванкувере. Учёные не обратили на них особого внимания, но кое-какие специалисты серьёзно уверяют, что на наших спортсменов было организовано психофизическое воздействие. Не зря же они то падали на ровном месте, то приходили к финишу чуть ли не мёртвыми. Да и проигрыш хоккеистов канадцам тоже сильно подозрителен. Отчего это вся команда вдруг превратилась в сборище индивидуалов? Растерялась?

– Ты думаешь, их загипнотизировали? Кто?

– Не задавай лишних вопросов. Когда у вас следующая игра с поляками?

– Они приедут к нам в среду.

– Где играете?

– Где и всегда – в спорткомплексе «Динамо», на Лавочкина.

– Я приду посмотреть.

– Об этом я и хотел тебя попросить, – обрадовался Волеслав. – Если появится хозяин «гвоздевого» взгляда, дам знать.

– Мне надо будет сесть так, чтобы я мог с тобой перекинуться парой слов.

– Попрошу наших помощников выделить тебе место в зоне obsługi. Я ещё не уверен, что тот хмырь с гвоздями вместо глаз приедет.

– Результат игры важен?

– Ещё как! Причём теперь не только им, но и нам. Если мы проиграем, поляки выйдут в плей-офф Лиги, а мы нет.

– Понятно. Договорились.

Роман унёс чайный прибор, вернулся с очень красивым многогранником, смонтированным из прозрачных стеклянных стерженьков.

– Как он тебе?

Волеслав осторожно взял многогранник в руки.

– Что это?

– Ромбокубоктаэдр. Что-нибудь чувствуешь?

Волеслав прислушался к своим ощущениям.

– Тепло... и руку покалывает.

– Он структурирует пси-энергетические потоки. А ты молодец, если чувствуешь изменения энергобазы пространства. Какой-то экстрарезерв у тебя есть. Не желаешь попробовать развить его?

– Как?

– Я подумаю над методикой. Чай ещё будешь?

– Нет, спасибо. – Волеслав передал почти невесомый ромбокубоктаэдр хозяину, и тот унёс его в спальню.

Они ещё поговорили на разные темы, хотя Волю больше интересовала тема экстрасенсорного восприятия, но Волков не был расположен на беседы о тайнах человеческой энергетики, и через час приятели расстались.

Волеслав какое-то время колебался, прикидывая, не махнуть ли в ресторан с кем-нибудь из знакомых, потом глянул на часы и твёрдой рукой направил авто домой. Следовало обдумать всё, что рассказал ему Роман, и подготовиться к сражению – не столько с таинственным «пси-манипулятором», сколько с самим собой.

2

Что он не такой, как все, Роман понял давно, лет пятнадцать назад. Хотя сначала не придавал этому особого значения. Ну, видеть начал светлые ореолы вокруг людей, так называемые ауры. Ну, пришло нечто вроде ясновидения: откуда-то вдруг снисходило понимание характеров окружающих, становились понятными их намерения, желания, болезни. Ну, кто-то невидимый предупреждал его об опасности того или иного мероприятия. Что из того? У выпускника физфака МГУ были свои планы, мечты, области применения знаний и намеченные цели. Тем более что специалистом он стал хорошим, если уже через год после окончания университета защитил диссертацию и стал кандидатом физико-математических наук.

Однако шли годы, Роман научился не только видеть невидимое и слышать неслышимое, воспринимать «суть вещей», как говорил его друг-волейболист Воля Тимошенко, но и выправлять их энергетику, то есть лечить, по сути. И к своим тридцати девяти, – в феврале ему должно было исполниться сорок лет, – Роман Волков понял, что надо решать. На двух стульях сидеть всегда непросто, а здесь речь шла совсем не о стульях, а о смене образа жизни. Научная работа начинала мешать иному плану бытия, связанному с пониманием процессов экстрасенсорного восприятия.

Начиная изучать истинную историю России-Руси, потом её эзотерическое сакральное наследие, он не знал, что достигнет положения, когда его заметят руководители АНЭР – Ассоциации независимых экстрасенсов России, объединяющей людей с паранормальными способностями, и предложат войти в их Круг посвящённых в тайны Мироздания. Он согласился, хотя и не без долгих размышлений, но до сих пор так и не окунулся в жизнь Круга с головой. Всё время находилась более важная работа. Жизнь в реальности, данной ему в ощущениях, пока казалась интересней.

Несмотря на возраст, выглядел Роман молодо, лет на двадцать шесть. Рост метр восемьдесят один, телосложение нормальное, без особо развитой мускулатуры. Друзья предлагали ему заняться боевыми практиками, но он считал, что может постоять за себя и без знания боевых навыков, на уровне инстинктивного понимания предлагаемых действий. Глаза у него были тёмно-синие, взгляд прямой, нос не выдающийся, а наоборот, курносик, как ласково говорила бабушка.

Складка губ Романа казалась жёсткой, а вот характер он имел доброжелательный, был исключительно терпеливым и спокойным. Из-за чего до сих пор не женился: девушки принимали его уравновешенность за нерешительность или равнодушие и не хотели ждать, пока он предложит им руку и сердце. Лишь одна ждала. Даниэла, Дана, Нэля, Ни. Ни – в том случае, если вдруг обижалась на него.

Она действительно ждала уже два года, а он никак не мог определить, готов ли изменить образ жизни ради неё или нет.

Встреча с Волеславом Романа обеспокоила.

Во-первых, он чувствовал в себе некую *силу*, которую надо было каким-то образом проявить. Во-вторых, история с волейболистами требовала расследования, поскольку случаи обидного проигрыша сборных России на соревнованиях разного уровня уже составили внушительный формуляр. Создавалось впечатление, что в дело вступали некие скрытые системы психофизического воздействия, оттачивающие свои приёмы. И если о «глушаках» можно было не говорить всерьёз, хотя не исключалось появление материальных генераторов пси-излучения, то волевые операторы существовали, и Роман кое-кого из них знал.

Сначала он хотел позвонить Даниэле и пригласить на матч сборных России и Польши. Потом передумал. Предстоящее дело требовало полной сосредоточенности, а при Даниэле он не смог бы стопроцентно настроиться на поиск «гипнотизёра». Если таковой существовал.

В среду позвонил Волеслав:

– Ты приедешь?

– Когда начало?

– В семь вечера. Я договорился с тренером, хотя и не рассказал ему всего. Можешь сесть с нашими парнями из команды.

– Хорошо, буду.

В половине седьмого Роман оставил машину – он ездил на белой «Хонде-Аккорд» – на стоянке у спорткомплекса, позвонил Волеславу, и его провели в зал через служебный ход.

Встреча сборной России и Польши вызвала ажиотаж среди любителей волейбола, и зал был полон.

Роман сел за спинами запасных игроков, массажистов, врачей и каких-то мужчин в спортивных костюмах с символикой России, но явно не относящихся к волейболистам. Внимательно оглядел противоположную трибуну, где расположились руководители и болельщики польской сборной. Их было немного, всего два десятка, все с национальными флагами, и ничто в их поведении не указывало на присутствие среди них «колдуна», способного воздействовать на людей издали, одним только взглядом.

Волеслав, вышедший на площадку вместе с остальными игроками сборной, помахал Роману рукой. Он был собран, деловит, сосредоточен на игре и жаждал одного – показать, на что способен. Кроме того, он был уверен, что висв (Роман невольно усмехнулся) и родные стены помогут ему отбить пси-атаку неведомого гипнотизёра, и это согревало самого Романа, одновременно заставляя его отнестись к поставленной задаче серьёзно.

Прозвучали гимны Польши и России, команды вышли на поле.

Роман привычно настроился в ритм *просветления*. Хотя его коллеги-хранители из АНЭР называли это состояние иначе – *светозарень*. Теперь он мог видеть-слышать-чувствовать «тонкие» нервные токи, пронизывающие спортзал и образующие красивую ментальную паутину.

Негативных узоров в этой паутине не было. Токи были разные: нетерпеливые, ждущие, радостные, озабоченные, деловитые, ободряющие, понимающие, уверенные, – но ни одного злобно-спрятанного, таящегося, ненавистного, намечающего недоброе.

Роман ещё раз просканировал зал своей эфемерной «антенной» воли, покачал головой. Возможно, на этот раз поляки не рискнули привезти с собой «магического оператора», психически воздействовавшего на игроков команды противника, и опасения Тимошенко были напрасными.

Игра началась.

Российские игроки действовали слаженно, безошибочно, играли собранно и уже к середине партии ушли в отрыв на пять очков.

Болельщики приветствовали их настрой аплодисментами, но вели себя прилично. Всё-таки любители волейбола отличались от фанатов «всемирной» игры – футбола, очень редко выплёскивая эмоции криками, а тем более метанием на поле бутылок или петард.

Первый сет россияне уверенно выиграли со счётом двадцать пять – восемнадцать, несмотря на все усилия тренера польской сборной выравнять игру.

Началась вторая партия.

И тут Роман впервые почувствовал смутное беспокойство, ещё до того, как игра сборной России начала разваливаться.

Зал пронзила бесшумная, невидимая глазу, но ощущаемая психосферой Романа зарница.

И тотчас же нападающий российской команды споткнулся на ровном месте и пробил в сетку.

Роман включил экстравосприятие «на всю мощность».

Паутина пси-связей спортзала проявилась ярче, однако в ней по-прежнему преобладали светлые тона, краски увлечённости и интереса. Канал чужой воли срабатывал лишь на мгновение, и поймать его вектор было невозможно с одного раза. Обладатель паранормального воздействия умело прятал свою ауру под «шапкой-невидимкой» биоэнергетической защиты. Что, кстати, говорило о его высоком потенциале.

Роман засомневался. Он тоже умел прятать мысли и чувства от чужого взгляда и защищать голову от «телепатического прослушивания», однако никогда ещё не встречал людей, использующих свои возможности с недобрыми помыслами.

Ещё одна «зарница» слетела с трибун на игровую площадку.

Замешкался принимающий российской сборной, Вадим Хомуцкий выдал некачественный пас, и доигровщик команды Эндрю Далинга пробил в блок.

Волеслав на площадке кинул взгляд на трибуну с запасными игроками, за спинами которых сидел Волков.

Роман кивнул, давая ему понять, что видит ситуацию.

Вторую партию россияне выиграли, но с большим трудом.

Потом «зарницы» посыпались чаще, и сборная просто-напросто провалила третий сет, проиграв со счётом двадцать пять – четырнадцать.

Сначала Роман, раздосадованный своей несостоятельностью, – «колдун» никак не идентифицировался, – подумал, что кто-то использует тот самый пресловутый «глушак», о котором он говорил с Волей, но в спектре «зарниц» чувствовался некий личностный «запах», и Роман начал искать пси-оператора тщательнее.

Тем не менее ни вторая, ни третья попытки не удались. «Засланный казачок» действовал уверенно, бесшумные сполохи ментального «света» вонзались в площадку, как молнии Зевса, россияне ошибались, а оператор так и оставался невидимым, словно прятался за каменной стеной. Роман смог лишь оконтурить место нахождения «колдуна», оказавшееся не там, где сидели помощники тренера польской сборной и польские болельщики.

Третью и четвёртую партии россияне проиграли.

Лютый Зверь (Роман снова усмехнулся, вспомнив кличку тренера сборной) взял тайм-аут.

Волеслав, потный и злой, подошёл к щитам ограждения площадки, взял в руки полотенце, повернул голову к Роману, проговорил одними губами:

– Вычислил?

– Нет, – признался Роман.

– Он сидит на второй трибуне, слева, в третьем ряду второго яруса, не вижу точно. Ох и взгляд у него, аж мурашки по коже! Неужели не чувствуешь?

– Пытаюсь.

– Могу точно показать, где он сидит.

– Как?

– В нападении нанесу удар так, что мяч полетит прямо в него. Он сидит как раз на створе сетки, никто не поймёт, что я нарочно, подумают – от блока.

– Не промажешь?

Волеслав озадаченно поднял брови, вытер лицо, отошёл, оглядываясь. По-видимому, до него не сразу дошло, в чём сомневается Роман.

Игра пошла в той же манере. Игроки сборной продолжали время от времени ошибаться, особенно в ключевые моменты, и счёт рос не в их пользу.

При счёте десять – восемь в пользу поляков разводящий дал пас Волеславу в четвёртую зону, и тот сильно пробил вдоль сетки таким образом, что мяч улетел высоко на трибуны, подняв там лёгкий переполох.

Вскочил какой-то парень, отшатнулась женщина, подставляя руки, пригнулся сидевший выше седой старик.

Но не мужчины заинтересовали Романа. Реакция женщины была понятна, однако именно во всплеске её чувств и протаял знакомый «запах», отмеченный ранее Волковым. Это был ментальный «запах» человека, настроенного *повелевать*, человека жестокой целенаправленной воли.

Роман закрыл глаза, сосредотачиваясь на раскрытии «третьего глаза».

Он не ошибся, как и Волеслав – при ударе. Обладателем «гвоздезабивного» взгляда была женщина.

Роман отвёл глаза, чтобы не создавать поток внимания к заинтересовавшей его особе (женщины, как известно, чувствуют взгляды мужчин в силу природных данных), но тем не менее разглядел незнакомку боковым зрением.

На вид ей было лет сорок пять. Взбитые, не светлые, а какие-то жёлтые волосы, смуглое лицо с широкими мрачными бровями, широкий нос и узкие губы. Далеко не красавица. Одетая во что-то серое, с красными полосками, не платье, не блузка, не майка. Комбинезон, что ли?

Блузон, вспомнился «модный» термин.

Нападающий сборной России снова пробил в блок.

Роман встал, ещё не приняв окончательного решения, пробрался к проходу между трибунами, поднялся наверх, обошёл северную трибуну и спустился вниз, на третий ряд. Заметил, что место слева от «колдуньи» освободилось, подошёл, сел.

Она отрешённо посмотрела на него. Глаза у женщины были чёрные, блестящие, чуть ли не стеклянные, и плавилась в них такая стылая тьма, что Роман едва не передёрнул плечами.

– Извините, – сказал он вполголоса, с ледяной вежливостью, вонзая взгляд в глаза незнакомки, – вам пора на самолёт.

– Что? – проговорила она по-польски. – Не понимаю...

Роман перешёл на английский:

– Спортзал оцеплен. Любое ваше движение будет расценено как попытка сопротивления. Вставайте и идёте со мной.

– Я... я не понимаю... – растерялась «колдунья», возвращаясь на грешную землю из своих «заоблачных ментальных» высот. – Что вы имеете в виду?

– Вставайте! – жёстко бросил он, добавляя в тоне металла, не выпуская глаз женщины из-под контроля. Взял её под локоть.

Болельщики вокруг ахнули, захлопали в ладоши.

Женщина попыталась повернуть голову и посмотреть на площадку, но Роман силой заставил её встать.

– Вперёд!

– Кто вы? – слабо пробормотала она, подчиняясь. – КГБ?

– КГБ. КГБ, – подтвердил он.

Спустились к проходу.

Женщина сделала ещё одну попытку освободиться, но уже совсем неуверенно.

Роман оглянулся на мгновение.

Российская сборная воспряла духом. Счёт на табло был четырнадцать – четырнадцать. Речь шла о тай-брейке, и выигрывал тот, кто первым достигал счёта пятнадцати, либо разрыв должен был быть в два очка.

Он вывел спутницу в холл под трибунами, отпустил локоть, сказал, беспощадно провоцируя «лезвие» взгляда в помутневших глазах незнакомки с жёлтыми волосами:

– Благодарите бога, что мы не имеем возможности привлечь вас к суду за противоправную деятельность. Вы понимаете, какую. Но вполне можем задержать вас в России на неопре-

делённое время за попытку зомбирования волейбольной сборной. И ещё: если мы увидим вас завтра в этом зале, на родину вы вернётесь не скоро. Вы меня поняли?

– Как вы смеете?! – прошипела женщина. Глаза её сузились, но «зарница» волеподавления не смогла пробить «железную рубашку» пси-защиты Волкова.

Один из охранников у турникета оглянулся на беседующих.

– Видите этого молодого человека? – кивнул на него Роман. – Одно моё слово, и вы проведёте ночь в «обезьяннике».

– Где?!

– В камере предварительного заключения, – любезно объяснил Роман.

Женщина кинула взгляд на охранников, сникла.

– Всего доброго, мисс, – добавил он. – Выход прямо перед вами.

Она пошла к турникету, шаркая ногами как старуха, полная смутных страхов, навеянных аббревиатурой КГБ. Роман хорошо видел изменение её ауры – от светло-жёлтых струй до коричнево-зелёных. Проводил «колдунью» взглядом.

Из прохода на трибуны раздался общий крик и шквал аплодисментов.

Роман поднял голову, ища глазами экран видеoinформатора. Выиграла сборная России. Он улыбнулся. Задача была решена.

Спустя полчаса после окончания игры позвонил Волеслав. Он был возбуждён и весел:

– Ну, старик, не знаю, как тебя благодарить! Наши ни фиги не поняли, а с меня словно могильная плита свалилась! Такая сила вдруг подняла на дыбы! Едва мяч не разбил при ударе! В общем, мы выиграли.

– Знаю.

– Завтра бы ещё пережить.

– Всё будет нормально.

– Ты где? – спохватился Волеслав.

– Домой еду.

– Я к тебе заскочу попозже, с шампанским.

– Не позже одиннадцати.

– Хорошо.

Роман выключил мобильный, чувствуя не удовлетворение, а какое-то странное беспокойство. С одной стороны, он был доволен, что победил «колдунью», пытавшуюся телепатически воздействовать на игроков сборной, с другой, вдруг понял, что переступил черту *недеяния*, и теперь надо ждать обратной реакции системы, связывающей тёмные силы. Потому что в этом мире за любой поступок, даже самый благонамеренный, надо было платить.

Волеслав действительно объявился вечером, в начале одиннадцатого, и не один, а с друзьями: черноволосой девушкой по имени Виолетта и довольно высоким молодым человеком по имени Афанасий; Тимошенко называл его то чекистом, то Афоней.

Оказалось, Афоня и в самом деле работал в ФСБ в звании майора, окончив до этого МИФИ, а до института отслужив срочную в десанте. Он был плотен, с виду малоподвижен, но физически развит, основателен, а главное, Роман почуял в нём знакомую с и л у, которую не могла скрыть манера поведения. Афоня больше слушал, чем говорил, и с интересом приглядывался к хозяину квартиры, тоже, очевидно, почуяв в нём родственную если и не душу, то суть.

На вопрос Романа: где именно он служит? – Афанасий ответил:

– Есть такой хитрый отдел – ИПФ.

Пояснять, чем занимается ИПФ, «чекист» не стал, как и расшифровывать аббревиатуру.

– Я ему рассказал, как ты нам помог, – радостно сообщил Волеслав, не страдающий никакими комплексами. – Афоня захотел с тобой познакомиться.

Роман встретил прямой, но со скрытой лукавинкой взгляд майора, ещё раз просканировал его в ментале, ощутил *наполнение*, больше соответствующее экстрасенсу, нежели служителю закона в погонах, и внутреннее чутьё подсказало ему, что с этим человеком ему ещё придётся встретиться.

Захотелось спросить, как давно Афанасий знает Волеслава.

Тотчас же последовал ответ, словно майор прочитал мысли Волкова:

– Мы знакомы шесть лет. Вместе отдыхали на Камчатке.

Волеслав, распечатавающий шампанское, кивнул.

– Меня взял отец, и в лагере в Елизово мы встретились. Ты не бойся, Афоня – человек железный, никто не узнает о твоих способностях.

Роман усмехнулся.

– Я не боюсь. И не скрываю. – Перевёл взгляд на девушку, с любопытством взирающую на коллекцию картин. – Увлекаетесь живописью?

– Интересные пейзажи.

– Это не пейзажи. Мои пациенты видят мир иначе, это реализация их мироощущений, выраженных с помощью холста и красок.

– Вы врач?

– Нет, он висв, – сказал Волеслав. – Видящий суть вещей. Хочешь, он и тебя посмотрит, скажет, где что болит?

– У меня ничего не болит. Так вы не врач?

– Физик.

– Обычно людей лечат целители или экстрасенсы.

Роман укоризненно посмотрел на волейболиста.

Волеслав развёл руками, не испытывая, впрочем, никакого раскаяния.

– Она свой человек, трепаться не любит.

– Я действительно кое-что ощущаю, но экстрасенсом не был и не являюсь. Да и целительской практикой практически не занимаюсь.

– Воле же вы помогли.

– Неожиданно для себя самого.

Афанасий глянул на него с прищуром, но ничего не сказал. Скорее всего он понял, что хозяин не хочет говорить о себе при нём.

Накрыли стол, выпили по бокалу шампанского, взялись за яблоки.

Волеслав заговорил о понравившемся ему фильме, и Роман вздохнул с облегчением. О своих паранормальных возможностях действительно говорить не хотелось, тем более с сотрудником ФСБ.

Час пролетел незаметно.

Было весело. Подруга Волеслава тоже знала много историй, неоднократно бывала за рубежом и становилась свидетелем анекдотических случаев с соотечественниками. Помалкивал лишь майор, продолжавший изучать Волкова. Этот интерес Роман чувствовал всей кожей, и ему это не нравилось. Но поделать он ничего не мог, надо было играть роль гостеприимного хозяина.

Разошлись в полночь.

Роман проводил компанию до машины и вернулся домой, размышляя об интересе, проявленном к нему сотрудником ФСБ. А дома его ждал сюрприз.

В кресле в гостиной сидел ещё один гость, бритоголовый, как и он сам, только гораздо старше. Звали его Олег Харитонович Малахов.

– Извини, что без спросу, – проворчал он, привстав, пожал руку Волкову. – Я на минуту.

– Ради бога, – сказал Роман, испытывая досаду; появление председателя АНЭР он не почуял. – У меня только что были друзья.

– Знаю.

– Чай будете? Соки?

– Нет, благодарствую. Хотя... – Малахов погладил себя по черепу. – Неси чай.

Роман вышел на кухню.

Малахов, по его признанию, тоже не родился экстрасенсом. Его зрелость пришлась на середину восьмидесятых годов двадцатого века. Закончив Томский университет по специальности ядерная физика, он был направлен как молодой специалист на Чернобыльскую атомную электростанцию и пережил всю её трагедию в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году, став участником ликвидации последствий катастрофы.

Руководителем Ассоциации экстрасенсов он становиться не собирался. Но способности у него были, и он проявил их в полной мере сначала в Чернобыле, потом в Мурманске, ликвидируя угрозу взрыва реактора атомной подводной лодки в середине девяностых. Этот эксперимент и превратил учёного-материалиста в искателя иных материй. Тем более что с ним начала работать Вера Дмитриевна Паршина, известный специалист в области экстрасенсорики, поразившая его когда-то тем, что, находясь на расстоянии нескольких метров от его жены Людмилы, она совершила, по его тогдашнему мнению, настоящее чудо: не прибегая ни к какой диагностической технике, детально рассмотрела состояние внутренних органов незнакомой прежде пациентки и сумела безошибочно определить наличие опухоли. Которую сама же и вылечила потом за два месяца, «выпрямляя» энергетику организма Людмилы.

Вот бы мне такой дар! – с завистью подумал тогда Олег Харитонович (рассказывая об этом с улыбкой), не зная, что спустя какое-то время сам научится «видеть насквозь людей», диагностировать их состояние и лечить.

Роман принёс чайник, пакетик с засушенной собственноручно травой, умело заварил чай при госте, в прозрачном заварнике. Осторожно налил напиток в чашки.

Олег Харитонович пригубил чай, кивнул.

– Хорошо.

Роман ждал. Отпили по полчашки – с вареньем.

Наконец, гость отставил чашку.

– Надо было посоветоваться, Евлампиевич.

Роман поднял брови, с любопытством ожидая продолжения.

В глазах Малахова мелькнула тень улыбки.

– Мне всегда нравилась твоя сдержанность. Но сегодня ты объявил себя *активником*, а эта деятельность предполагает иной уровень сдержанности.

Роман понял, что председатель АНЭР знает о его поединке с «колдуньей» из Польши. Хотел спросить: откуда вы знаете? – но вовремя остановился. Вопрос был бы лишним. Он виновато сморщился.

– Простите, Олег Харитонович. Мне показалось неправильным, что наших парней пытаются превратить в тонущих котят.

Малахов усмехнулся.

– Весьма образное сравнение. Согласен с тобой, и всё же надо было доложить о проблеме.

– Я не подумал об этом. К тому же мне казалось, что я свободен в своих деяниях.

– До определённой черты. Ты не подумал о последствиях, друг мой. Переход из аналитика в активники – это переход в иное состояние, а ты к этому не готов. Теперь следует ждать реакции общеземной психофизической среды, а она не всегда благоприятна.

Роман сдвинул брови.

– Мне уже почти сорок, и никакой среды я не боюсь.

– Срок жизни не определяет планку достижений. Человек и в семьдесят лет может оставаться простым обывателем. Хочу предупредить о возможных последствиях твоей акции. В США существует организация, подобная нашей АНЭР.

Роман пожал плечами:

– Я верю.

– Название другое – ИСПРАЭЛ, то есть Incorporation secret responsible agents with extrasensory leverages, но суть та же. Мало того, этой организацией управляют другие... силы. Если им удастся вычислить тебя, за тобой начнут охоту.

Роман задумался, не придав особого значения словам «другие силы».

Малахов смотрел на него со странной печалью, хотя излучал не раздражение и холод сомнений, а скорее отеческую доброжелательность.

– Будь осторожен.

– Я понял, учитель.

– У тебя действительно есть задатки активника, что меня радует, но их надо либо развивать с наставником, либо заниматься только аналитической работой. Наша оперативная дружина нуждается в пополнении, не хочешь присоединиться к ней?

Роман непонимающе посмотрел на гостя.

– Дружина?

Олег Харитонович снова улыбнулся.

– Назови я её спецназом, что изменится? Да, мы вынуждены защищаться, в том числе на физическом уровне. В нынешние беспокойные времена без спецназа не обойтись. Вирус чёрных сил активизировался, поразил практически все политические и государственные структуры России, и не только России, и справиться с ним без активной защиты невозможно. Всего я тебе пока рассказать не могу, но кое-что ты знать обязан.

– Я не знал... о существовании спецназа.

– Ну, он всё-таки не спецназ в полном понимании этого термина, мы ни с кем не воюем, однако вынуждены держать оборону.

– Я подумаю. Но мне нужна информация о целях и задачах.

– Подумай. – Председатель АНЭР легко встал; с виду ему можно было дать лет пятьдесят, а не восемьдесят с хвостиком. – Информация будет.

Они пожали друг другу руки, и гость ушёл.

Роман задумчиво прибрал в комнате, переоделся, сел за компьютер, побегал по новостным научным сайтам и лёг спать. Но заснуть не успел.

В половине первого в дверь позвонили.

Роман открыл глаза, недоверчиво прислушался к тишине спальни.

Звонок раздался снова.

Он встал, натянул спортивные штаны, подошёл к двери.

Проснувшаяся интуиция – даже без «третьего глаза» – подсказала ему, что за дверью кто-то из знакомых. Опасностью не пахло. Пахло сосредоточенной, с тенью воинственности, решительностью. Уже открывая дверь, Роман знал, кого увидит.

Несколько секунд гость и хозяин смотрели друг на друга.

– Прошу прощения, – сказал Афанасий Выюгин, ощупывая лицо Волкова внимательными светло-серыми глазами и ожидая его реакции. – Я вас разбудил.

Роман отступил в глубь прихожей.

– Проходите.

Майор вошёл без колебаний.

– Я на минуту.

Роман повёл рукой, приглашая гостя в гостиную.

Афанасий бегло оглядел комнату, сел в предложенное кресло.

Роман накинул рубашку, сел напротив.

Некоторое время они смотрели друг на друга, пробуя стать взглядом. Майор отступил первым.

– Вы знаете, где я работаю.

– ФСБ.

– ФСБ – очень большая и разветвлённая структура. Я работаю в Научно-техническом управлении, в отделе ИПФ.

– И какое отношение это имеет ко мне?

– Отдел занимается изучением и использованием психофизических феноменов.

– Я примерно так и расшифровал ваш ИПФ. И что же?

– Мы исследуем экстранергетику людей и работаем с экстрасенсами. Наша встреча не случайна. Вы, наверно, знаете, что в нашей реальности ничего случайного не происходит.

– Случайность – визитка бога.

– Примерно так. Из рассказа Воли я понял, что вы сняли телепатическое воздействие или порчу, как говорят в народе. На игроков нашей команды пытался повлиять внешний пси-оператор. Кстати, не могли бы вы нам его показать?

– Вряд ли он, точнее она, появится завтра на второй игре. Но если придёт – покажу. Чего вы хотите ещё?

– Переходите к нам на работу.

Роман сунул руки в карманы штанов, откинулся на спинку дивана.

Наступило молчание.

Афанасий смотрел на него испытующе и серьёзно. В его ауре не было места струйкам негативного «свечения».

– Предложение неожиданное, надо признаться.

– Понимаю, поэтому не тороплю с решением. – Афанасий достал визитку, положил на край стола, поднялся. – Здесь мобильный и почта. Позвоните, когда надумаете. Потребуется дополнительная информация – пришлю.

Роман проводил гостя к двери.

Замок щёлкнул.

Роман прислонился спиной к двери, покачал головой, усмехнулся.

Две попытки вербовки за один вечер. Плюс обещания дать необходимую информацию. Не многовато ли? Конечно, Олега Харитоновича нельзя назвать вербовщиком, но ведь предлагал он не поход в ресторан? Интересно, чем занимается «анэровский спецназ» на самом деле?

В гостиной залился трелью мобильный.

Роман фыркнул, подумав: неужели третий вербовщик?

Но это звонила Даниэла:

– Прости, что так поздно. Мы собираемся в субботу поехать ко мне на дачу.

– У тебя же день рождения в субботу! – вспомнил он.

– Вот я и хочу отметить его за городом. Поедешь с нами?

– Кто едет?

– Наташа, Валя, Шурик, брат. Ну и я.

– Согласен.

– Ой, хорошо! Заедешь утром?

– Мы же хотели встретиться завтра. Договоримся детально.

– Днём я работаю, а вечером ко мне мама приедет.

– Понял, созвонимся.

Роман закрыл глаза, представляя, как Даниэла поправляет волосы, поднимает полные руки, грудь её становится выше...

Стоп!

Он погрозил себе пальцем, быстро разделся и лёг спать. Созрело решение в субботу объявить ей о помолвке. Захотелось, чтобы она всегда была рядом, милая, светлая, тёплая и... желанная.

* * *

Два дня пролетели незаметно.

В четверг Роман сходил на игру сборных Польши и России, «колдуны» не увидел и стал свидетелем безоговорочной победы российских волейболистов. Им ничто не мешало проявить все свои лучшие качества, поэтому играли они очень уверенно и разнообразно, так, что после окончания матча встал весь зал и аплодировал команде минут десять.

Присутствовал на игре и Афанасий Вьюгин. Но Роман общался с ним мало, и о переговорах речь не зашла. Майор был терпелив, как и сам Роман, понимая, что быстро проблема перехода на другую работу не решается.

В пятницу Роман приехал к Даниэле домой, да там и остался. Мама девушки относилась к нему очень хорошо, будучи такой же мягкой и уступчивой, как её дочь.

В субботу утром (Роман встал пораньше, сбегал за цветами) они позавтракали втроём. Он подарил Даниэле веточку синих орхидей и красивые часы фирмы «Storm». Маме – домашний халат. Потом приехали Наташа с Вaley, подруги Даниэлы, её брат Саша, и последним появился Шурик Фомин, давний ухажёр Вали, с которым Даниэла работала в онкологической поликлинике на Бауманской; она окончила медицинский и была врачом-онкологом.

Погрузились в машины, захватив с собой всё необходимое для отдыха на даче.

Совсем не осенняя жара по-прежнему окутывала Москву душным саваном, поэтому все были рады возможности побыть на свежем воздухе, вдали от раскалённых городских улиц и шубы нависшего над столицей смога.

В начале одиннадцатого компания выехала за МКАД и в одиннадцать с минутами выгрузилась на даче Карповых под Чеховом, недалеко от деревни Красные Орлы.

Двухэтажный домик стоял на самом краю садового товарищества «Релог», пережившего в течение последних пятидесяти лет три экономических и политических кризиса в России. Выходил участок Карповых прямо к полю, за которым начинался берёзовый лес – колок, где всегда было полно грибов. Роман исходил его вдоль и поперёк, будучи заядлым грибником, и не было случая, чтобы он не принёс добычу. Лишь в этом году, лето которого отличалось иссушающей жарой, грибов не было вовсе. Ни в конце июня – так называемых колосовиков, ни в конце августа, ни в сентябре.

Садовое товарищество «Релог» не выделялось среди других таких же «народных» роскошеством особняков. Тем не менее появились и на его территории несколько кирпичных строений, претендующих на звание «коттеджа». Впрочем, их владельцы все были людьми вполне нормальными, семейными, тихими, хотя и состоятельными, и вели себя скромно.

Надеялись жители «Релога», что так же будут вести себя хозяева последнего участка, купившие его по соседству с дачей Даниэлы и начавшие сначала сносить старые строения, а потом возводить современные хоромы. Так было всегда, и такой порядок устраивал всех.

Однако нынешняя суббота выпала из поля зрения «бога тишины», подчинившись иным богам – бесшабашного веселья, шума и гама.

Соседи закончили стройку аккуратно в день рождения Даниэлы и начали праздновать это событие именно в этот день, восемнадцатого сентября. Видно их не было, вокруг особняка, напоминавшего готический замок из серого кирпича с красными вставками, строители соорудили высокий трёхметровый забор из бруса, но слышно было хорошо.

На территорию коттеджа заехало пять машин, все как одна – чёрные джипы. Гостей набралось человек двадцать. И все они молчать не хотели. Сначала включились машинные радиоприёмники, сразу несколько. Потом соседи врубили мощную установку, заполнившую весь посёлок грохотом и воем, который трудно было назвать музыкой.

Отдых превратился в пытку. Никто из гостей Даниэлы не предполагал, что вместо приятного времяпровождения на природе им придётся окунуться в какофонию чужого веселья.

Какое-то время терпели, обмениваясь репликами в моменты наступавшей относительной тишины. Потом Шурику Фомину надоело слушать разухабистые псевдонародные песни вперемишку с хард-роком, разносившимся окрест на многие километры, и он с братом Даниэлы попытался утихомирить соседей.

Их не было минут десять. Шум стих. Они вернулись, явно смущённые и раздосадованные, а через несколько минут посёлок снова накрыл шквал музыкальной «бомбардировки», помноженный на весёлые крики празднующих новоселье.

Роман мог бы не обращать на это внимание, умея блокировать посторонние шумы, но по взгляду Даниэлы понял, что та терпит чужое застолье из последних сил, и решил поговорить с соседями лично.

– Мы с тобой, – предложил белобрысый Шурик, в майке и шортах похожий на студента-первокурсника; на самом деле ему исполнилось двадцать девять лет. – Там мужиков человек десять.

– Не надо, – отказался Роман. – Я не собираюсь с ними драться.

– Может, меня возмёшь? – нерешительно сказала Даниэла.

Он улыбнулся, покачал головой, натянул футболку, – из-за жары все трое мужчин были одеты легко, – и двинулся к соседям.

Дверь рядом с воротами в глухом брусовом заборе была заперта. Долгое время на звонок никто не реагировал. Наконец гостя услышали. Щёлкнул замок, загремела щеколда, дверь приоткрылась. Выглянул толстый рыжий парень, потный, весёлый, в одних плавках. В руке он держал пивную бутылку.

– Чо надо?

– Извините, ради бога, – вежливо проговорил Роман (мысленно развёл руками, как бы извиняясь перед Олегом Харитоновичем), – не могли бы вы убавить громкость ваших динамиков? Хотелось бы отдохнуть от городской суеты и шума.

– Да брось ты, какой шум? – махнул рукой рыжий. – Музыка ещё никому не мешала. Не вечер же?

– И всё же я очень вас прошу, – проникновенно сказал Роман. – Это не музыка, это шестьдесят децибел в голову.

Лицо рыжего стало скучным.

– Да пошёл ты! – бросил он, намереваясь закрыть дверь.

Роман подставил ногу в кроссовке, вонзил заледеневший взгляд в такие же рыжие глазки парня. Тот вздрогнул, меняясь в лице.

– Будьте добры, выключите музыку!

– Х-хшо, – выдохнул парень.

Роман повернулся, чтобы уйти, но подумал о ненадёжности эксперимента и решил подстраховаться.

– Я посмотрю, а вы пока выключайте.

Сделав шаг вперёд, он не дал рыжему закрыть дверь, оглядел двор дачи.

В другое время было бы удовольствием полюбоваться на коттедж, выстроенный из современного укрупнённого туф-кирпича, но в данный момент было не до оценки архитектурных красот «замка».

На площадке, посыпанной гравием, теснились пять чёрных джипов, от «Шевроле» до «Мицубиси-Паджеро». Дверцы всех пяти машин были открыты, и мощные динамики давились звуками песен, перебивающих друг друга.

За паркингом начинался лужок в обрамлении свежесажённых елей, на котором в живописном беспорядке располагались белые шезлонги и тенты. На шезлонгах возлегли практи-

чески голые девицы. Одна из них взвизгивала, отбиваясь от волосатого толстяка в панаме. Две девицы и трое парней гоготали в большом пластиковом бассейне, устроив «неолимпийские игры». Остальных обитателей коттеджа видно не было.

Пахло шашлыками и винными парами.

На гостя никто не обратил внимания.

Роман просканировал территорию дачи, обнаружил скопление аур, окрашенных плотскими удовольствиями их владельцев, покачал головой. Эти люди, не обременённые интеллектом, жили просто и веселились просто, в силу стандартных понятий и фантазий. Главное для них было – «оторваться по полной», в соответствии с рекламой такой жизни, а то, что при этом они мешали отдыхать другим, никого из них не волновало.

Рыжий, сознание которого фрустрировал Роман мысленно-волевым выпадом, подошёл к машинам, выключил радиоприёмник одного джипа, уменьшил громкость второго.

– Так нормально?

Роман послал общую пси-установку, ориентированную на соблюдение тишины, получил слабые ментальные ответы, похожие на воронье карканье (так он слышал телепатические гармоник). Компания отреагировала на установку без возбуждения агрессивных токов. То ли она сама устала от грохота, то ли на молодых людей действовала жара.

– В десять вечера выключишь приёмники вообще! – добавил Роман рыжему гулким вибрирующим голосом.

– Лады, – кивнул рыжий, обильно потя.

Роман бросил взгляд на девиц, продолжавших вяло заниматься «отдыхом», и вернулся на дачу Даниэлы, надеясь в душе, что поступил правильно. Перед глазами то и дело всплывал облик Олега Харитоновича, грозящего пальцем, отчего уверенности в правильности выбранной тактики у новоявленного активника не было.

Даниэла кинулась к нему птицей.

– Ну что?!

Он прислушался к негромким звукам, доносившимся из-за забора соседей, расплылся в улыбке.

– Всё нормально, меня поняли.

Даниэла, никого не стесняясь, обняла его и поцеловала.

Вечер прошёл хорошо, с тихим пением под гитару. Соседи больше не включали громкую музыку, кричали меньше, хотя вряд ли осознавали, почему это делают. Установка Романа действовала на их подсознание, а он лишь много позже понял, какая это сила.

3

Афанасий Вьюгин еще в школе хотел стать специалистом по квантовой электронике. После рекламного бума в начале двадцать первого века, объявившего нанотехнологии высшим приоритетом человечества, многие мальчишки мечтали о профессии нанотехнолога, с лёгкостью оперирующего атомами и элементарными частицами, создающими любой объект как с помощью обычного конструктора, хотя кирпичиками при этом служили атомы.

Однако шли годы, Афанасий отслужил на Дальнем Востоке в десантных войсках, кончил МИФИ и его пригласили работать в ФСБ. Не по специальности. Уже в двадцать лет он был мастером рукопашного боя и зарекомендовал себя как хороший лингвист, освоив самостоятельно пять языков: английский, французский, немецкий, итальянский и финский. К тому же он прекрасно разбирался в людях и ощущал их биоэнергетические поля. Нет, экстрасенсом он не был, однако и его способностей хватило, чтобы стать сначала сотрудником отдела исследований психофизических феноменов ФСБ, а затем заместителем начальника отдела с повышением в звании до майора.

В принципе он не был самым молодым офицером службы, в последнее время произошла резкая смена кадрового курса – на омоложение Федеральной службы безопасности, и в её рядах теперь служили десятки молодых людей, сумевших доказать свою креативность и ставших офицерами вплоть до генералов. К примеру, начальник отдела ИПФ Георгий Войнович стал генералом в тридцать лет.

Он и вызвал Афанасия к себе «на ковёр» в понедельник, двадцать первого сентября.

Афанасий прикинул, что может нести ранний вызов генерала, никаких особых тревог на горизонте не обнаружил и отправился в кабинет Войновича с лёгкой душой.

Генерал, одетый в обычный гражданский костюм (мундир он практически не носил), в данном случае из-за жары – в белоснежную сетчатую футболку и белые штаны, беседовал с кем-то по скайп-монитору компьютера.

Афанасий выдержал паузу.

– Георгий Евсеевич?

Начальник отдела жестом показал на стул, выслушал собеседника, сказал коротко:

– Сами решайте.

Выключил компьютер.

Начальник и подчинённый изучили лица друг друга.

Георгий Евсеевич кивнул, отмечая совпадение своих мыслей с поведением майора, подвинул к нему запотевший стакан с минералкой; кроме минеральной воды он позволял себе только шампанское по праздникам.

Афанасий мог бы обойтись и без холодного освежающего напитка, но побоялся обидеть хозяина кабинета, который всегда был подчёркнуто корректен и вежлив.

– Спасибо.

Вода действительно была ледяная, ощутимо плотной струйкой скользнула в пищевод, вызывая сладостное ощущение прохлады.

– Слушаю, Георгий Евсеевич.

– Поступило задание, Афанасий. Американцы взяли нашего разведчика.

– Какое отношение мы имеем к разведке? Пусть этим занимается СВР.

– Приказы не обсуждаются.

– Понял. Где его взяли?

– На Аляске, в районе устья реки Колвилл. Есть там такое маленькое селение Приумик.

– Там строится порт для приёма подводных лодок.

– Абсолютно верно.

– Куда его перевезли? В Грин-Бей?

– В том-то и дело, что оставили на Аляске, есть у них там одно чудное местечко – остров Нунивак.

Афанасий попытался сориентироваться по памяти, но не смог.

– Прошу прощения, здесь у меня в географии пробел. Почему именно на этот остров?

– Там находится база ЦРУ «Норд-Вест», практически не известная у нас. О ней очень мало сведений. Сейчас наши парни спешно собирают сведения.

– Что известно?

– База находится на северо-западном побережье острова, под сопками. Есть небольшой причал и взлётно-посадочная полоса, хотя ими пользуются только гражданские службы, плюс береговая охрана. Подходы к базе отрабатываются. Обслуживание – около ста человек, охрана – рота морского спецназа, плюс современная электронная и прочая техника.

Афанасий усмехнулся.

– У нас есть взвод Рембо, чтобы проникнуть туда?

– Рембо у нас нет, – остался невозмутимым Войнович. – Хотя кое-что из спецснаряжения имеется. Но парня надо вытащить во что бы то ни стало.

– Чем он так опасен?

Генерал бросил на Афанасия понимающий взгляд.

Майор имел в виду ценность пленника для американцев и предполагаемые потери в случае развязывания языка для российских спецслужб.

– Взяли его весьма необычно. Он сильный сенс, работал исключительно тихо, не светился, дал хорошую инфу о параметрах строящихся на северном побережье Аляски объектов, и тем не менее его взяли.

– Экстраформация! – догадался Афанасий.

– Именно, майор. Экстрасенсы работают не только у нас, но и у них, однако никто не предполагал, что разведчика будут ловить с помощью экстраформации.

Речь шла о том, что для выявления экстрасенса использовалась целая группа экстрасенсов, образующих особый целевой эгрегор. Пеленгация экстрасенса при этом намного облегчалась.

– Откуда это известно?

– Разведчик успел передать кое-какие сведения буквально за пару минут до захвата.

– Кто он?

– Зову его Ылтын. – Георгий Евсеевич улыбнулся. – За что его прозвали Алтын, иногда добавляя «мал алан». Он эскимос, сын шамана, окончил юридический, имеет награды.

– Возраст?

– Сорок. Хотя это не имеет значения. Главное, что его ценность очень велика.

– Если им удастся его разговорить.

– Нет, если им удастся его перевербовать.

Афанасий подумал.

– Это возможно?

– Сейчас ничего невозможного нет, особенно после привлечения к нашим делам нанотехнологий. Аппаратуру и химию Алтын выдержит, а вот атаку экстраформации скорее всего нет. У нас очень мало времени, всего два-три дня. Пока ЦРУ будет готовить группу сенсов для гипноатаки.

– Мы должны подготовить свою формацию?

– Боюсь, у нас нет альтернативы. Там, – генерал поднял палец вверх, – требуют решить проблему всеми имеющимися средствами.

– Но ведь внешняя разведка сама может вытащить своего разведчика.

– Одна не может.

Афанасий покачал головой, заметил недобрый блеск в глазах генерала, подтянулся.

– Прошу прощения. К сожалению, у нас всего три сенса на хлебах, Кронин на юге, в Нальчике, Веселов тоже.

– Будем работать с теми, кто есть.

Афанасий вспомнил о знакомстве с Романом Волковым.

– Я случайно наткнулся на одного человека... хотя, может быть, и не случайно.

– Короче.

– Он физик-оптик, специалист по волновым процессам, работает в НИИ «Атом», и при этом он – сенс. Причём высокого класса.

– У нас на него...

– Ничего.

– Странно. Если он сенс высокого класса, мы должны его знать.

– Тем не менее.

– Почему ты думаешь, что он экстр?

– Случилась одна поразительная вещь. Мой приятель – волейболист Тимошенко... – И Афанасий рассказал начальнику историю знакомства с Романом.

– Любопытно, – качнул тот лобастой головой, недоверчиво глядя на собеседника. – Если это правда.

– Истинная правда.

– Тем более непонятно, почему мы о нём ничего не знаем.

– Это значит, что он нигде «не светится» и не придаёт своим способностям особого значения.

– Надо попробовать его пригласить к нам.

– Уже.

Георгий Евсеевич откинулся на спинку кресла.

– Быстро соображаешь. Он согласился?

– Обещал подумать, – уклончиво ответил Афанасий. – На меня он произвёл впечатление человека самодостаточного, а наша контора не в чести у интеллигентной части населения.

– Времена изменились.

– Не все это понимают.

– Ты же понял?

– Я умный, – серьёзно сказал Афанасий.

Георгий Евсеевич хмыкнул.

– Это замаскированная лесть мне. Раз ты умный, то и я не дурак. Попробуй убедить этого сенса работать с нами, обрисуй перспективы.

Афанасий сделал квадратное лицо.

– Разрешите исполнять, товарищ генерал?

– Улетаем завтра утром.

Афанасий встал, щёлкнул каблуками и вышел.

Ему было не впервой бросать все дела и мчаться по вызову в любую точку земного шара. Поэтому думал он прежде всего о выполнении задания, а не о личных проблемах. А они у него были.

Мама Вера Александровна пережила инфаркт, её здоровье требовало постоянного надзора, ухода, контроля, и лучшим лечением для пятидесятипятилетней женщины, ещё не старой по нынешним меркам, было присутствие сына.

Сестра Марина разводилась с мужем по фамилии Зиркач, полным ничтожеством, по мнению Вьюгина, вознамерившимся отобрать у бывшей жены квартиру и дачу, поскольку, по его заявлению, именно он дал средства на их приобретение. Что было абсолютной ложью. Сестра зарабатывала неплохо, будучи главой риелторской фирмы, и вложила свои деньги, в то время

как Зиркач являлся всего лишь преподавателем истории в колледже и зарплату имел соответствующую.

А ещё Афанасий встречался с девушкой по имени Лика, которая командовала им, как хотела. Потому что он таял от одного её взгляда, а она, соглашаясь проводить с ним время, не соглашалась выходить замуж. Этим своим поведением она очень напоминала подругу Воли Тимошенко Виолетту, словно была её родной сестрой.

В отделе, больше похожем компьютерный зал в миниатюре, Афанасий поздоровался с сотрудниками, сел за свой стол за прозрачной перегородкой.

– Новые сведения, – вежливо проговорил включённый компьютер, высвечивая в объёме монитора, или, как его теперь называли, виоме, поступившую за время отсутствия хозяина информацию.

Афанасий бегло пролистал список задач, которые надо было решать отделу в ближайшей перспективе, ответил на два важных письма, составил график работ для подчинённых и разослал каждому соответствующие формуляры. Затем начал готовиться к полученному от начальства целевому заданию, прикидывая, кого из работающих на контору экстрасенсов можно будет взять с собой.

Через час он изучил выданный генералом информпакет, запомнил все данные по острову Нунивак, развернул панораму острова в виоме.

Остров ничем особенным не отличался от остальных северных островов, примыкающих к Аляске или к побережьям северных морей России.

Открыт он был русским адмиралом Васильевым в тысяча восемьсот двадцать первом году. Разумеется, после продажи Аляски США остров тоже стал принадлежать Соединённым Штатам. Площадь его равнялась четырём с половиной тысячам километров. Особым разнообразием ландшафтов остров похвастать не мог: почти плоский, с небольшим количеством сопок, покрытых субарктическими лугами и болотами в низинах. Население – эскимосы и алеуты – занималось в основном оленеводством и разведением мускусного овцебыка, называемого здесь умингмаком и маскаком. С десятков охотников, живущих в хижинах-ярангах по берегам острова, занимались охотой на тюленей либо рыбной ловлей. Да и вообще всё население острова можно было собрать в кинозал на триста пятьдесят мест. Потому что в единственном посёлке, так сказать, «столице» острова Мекорьюке проживало всего двести семьдесят человек.

Единственная гора острова под названием Робертс, если можно было назвать горой сопку высотой в пятьсот одиннадцать метров, располагалась на северо-западе, именно под ней и соорудили свою базу черёушники, упрятав её так, что даже летавшие над Аляской спутники не могли обнаружить что-либо конкретное, подтверждающее данные о наличии здесь подземного объекта.

Портовых сооружений остров не имел. Взлётная полоса на острове была неподалёку от Мекорьюка, но использовалась она редко, для приёма вертолётной береговой охраны и самолёта с бригадой техников, обслуживающих два маяка и радиолокатор, работающие в автоматическом режиме. Отсюда Афанасий сделал вывод, что базу связывал с материком подводный тоннель, иначе трудно было объяснить, как она снабжается и поддерживает связь с другими базами и центром управления ЦРУ.

Лучшим видом местного транспорта считались снегоходы или мотосани. Но в последнее время жители стали пользоваться вездеходами на воздушной подушке, потому что снежный покров ложился на остров неравномерно и не каждую зиму. Начавшееся потепление внесло коррективы и в деятельность жителей острова.

Интересно, подумал озадаченный Афанасий, как Управление спецопераций хочет подобраться к базе? Сверху или снизу, из-под воды?

Но ответа на этот вопрос у майора не было. Впрочем, он и не переживал насчёт этого, так как проблеме доставки его группы на остров должно было решать совсем другое подразделение ФСБ.

К обеду в голове уложился «кирпичик к кирпичику» план предстоящей операции.

Афанасий заехал домой, пообедал, быстро собрался. Возникла идея уговорить Романа Волкова поехать с ним.

Бред! – отозвался внутренний голос. Во-первых, он не поедет в такую даль, к чёрту на кулички. Во-вторых, никто не даст разрешения на привлечение его к делу.

Афанасий задумчиво походил по кухне с чашкой кофе в руке, набрал номер генерала.

– Готовы? – посмотрел на него с экранчика мобильного начальник отдела.

Афанасий не сразу вспомнил, что стоит посреди кухни в одних трусах. Слегка повернул зрачок скайпа так, чтобы Георгий Евсеевич видел только его лицо.

– Так точно, товарищ генерал. Группа в составе трёх...

– Короче.

– Разрешите взять с собой Волкова.

– Кого? – Брови начальника отдела сдвинулись. – С ума сошёл? У него же нет допуска. И оформить его мы за оставшееся время не успеем.

– Я сделаю запрос на испытательный срок в реальных условиях.

Генерал выдержал короткую паузу.

Афанасий понимал его. Ответственность в случае неудачи, провала или утечки информации ложилась на начальника отдела.

– Хорошо, действуй. Попытка не пытка, как говорил товарищ Сталин. Возьми с него ПОНТ.

– Есть.

ПОНТ расшифровывался как «подписка о неразглашении служебной тайны». Несоблюдение ПОНТ влекло за собой уголовное преследование вплоть до объявления попавшегося на этом сотрудника спецслужбы предателем и врагом народа.

Афанасий невольно покачал головой. На месте Романа Волкова он скорее всего отказался бы от сотрудничества.

Физик (висв – вспомнил Афанасий шутовское прозвище, данное Волкову Волей Тимошенко) отозвался почти мгновенно, словно услышал мысль Вьюгина:

– Алло?

Ответный мобискайп он, однако, не включил.

– Роман, добрый день, это Афанасий.

В окошечке показалась физиономия Волкова.

– У вас будет минутка для разговора?

– Слушаю.

– Не по телефону.

– Давайте встретимся вечером. Хотя я, честно говоря, не готов дать ответ на ваше предложение.

– Речь пойдёт о конкретном деле. И, боюсь, вечером говорить о чём-нибудь будет поздно.

– Вы меня интригуете.

– Не нарочно, честное слово.

– Верю. Что предлагаете?

– Я подъеду к вам через час.

– Хорошо, позвоните, когда подъедете, я выйду. Ехать куда – знаете?

– Не заблужусь, – рассмеялся Афанасий, выключая телефон.

С минуту, спускаясь к машине, он колебался, сообщить Лике о своём отъезде или нет. Решил-таки позвонить.

– Хорошо, что ты объявился, – обрадовалась девушка. – Я взяла билеты во МХАТ на «Чайку». Забери меня в семью.

Афанасий облизнул разом пересохшие губы.

– Сегодня не могу, срочная командировка.

– Отложи, – легко заявила Лика.

– Не имею права, важное дело.

– У тебя всегда важные дела, – рассердилась она. – Говоришь, что любишь, а сам всё время норовишь исчезнуть.

– Но я действительно занят! Сходим в театр обязательно, как только вернусь. Дня через три-четыре.

– Или пять, – насмешливо добавила Лика. – Езжай в свою командировку, я с Димой Латышевым схожу.

В трубке раздались гудки.

Афанасий сжал зубы, переживая сердечный спазм, успокоил дыхание, подумал: может, перестать встречаться? Она же в грош меня не ставит!

Вздыхнул. Этот вопрос он задавал себе не раз, но стоило увидеть Лику (он представил её ладную фигурку в летнем сарафанчике: полные бёдра, тонкая талия, точёные губы), все сомнения сразу отлетали напрочь.

Он вздохнул ещё раз и приказал себе переключиться на другую тему.

К зданию НИИ «Атом» в подмосковном Королёве он подъехал уже почти спокойным, трезво оценивающим своё положение. Хотя ранка на сердце («Я пойду с Димой Латышевым») зарубцовываться не хотела.

Роман Волков отозвался тотчас же и вышел из центральной проходной института через две минуты, одетый в модную «крылатую» футболку серебристого цвета и белые спортивные штаны. Он был спокоен, сосредоточен и деловит. Сел в машину Вьюгина, протянул руку.

– Слушаю.

– Знаю, что важные решения принимаются не скоро, – начал Афанасий, – но тут особый случай. Я вам верю, поэтому напоминать о конфиденциальности разговора не буду.

Он вкратце передал собеседнику идею привлечь его к операции ФСБ по освобождению провалившегося разведчика. Заметил вспыхнувший в глазах Волкова интерес.

– Согласны?

Роман качнул головой, не торопясь отвечать.

Афанасий сунул в рот мятную лепёшечку жвачки, откинулся на водительское сиденье, искоса наблюдая за профилем висва. Тот поднял бровь, прямо посмотрел на майора.

– У вас неприятности, личные, не так ли?

Афанасий чуть не подавился. Хмыкнул, сожалеющее провожая проглоченную жвачку внутренним взором.

– Допустим. Хотя в принципе это перманентное состояние. Когда-нибудь я вам расскажу одну историю.

– Девушка чем-то вас обидела. – В тоне Волкова не было вопроса.

– Не обо мне речь.

– Извините. – Роман снял с него пресс взгляда. – Могу помочь, если захотите. Но... вряд ли из вашей идеи получится что-то путное.

– Если вы о работе – вас отпустят, не беспокойтесь.

– Звонок из конторы? Чтобы все знали, что я ваш сексот?

– Ну, что вы, всё гораздо проще и прозрачнее, о конторе никто не говорит.

– У вас что, не хватает своих сенсов?

– Таких, как вы, мало.

– Вы же не знаете меня в деле.

– Судя по успешной блокировке польской «колдуньи» во время волейбольного матча, вы очень сильный экстрасенс. Кстати, мы должны были бы знать о вашем существовании, однако никаких сведений не имеем.

Роман усмехнулся.

– Виден не каждый сенс.

– Верно, мы это понимаем. Итак, что скажете?

– Не знаю. – Роман пригладил несуществующие волосы на затылке. – Как говорится – и хочется, и колется, и мама не велит. А если я окажусь несостоятельным?

– Так ведь с нищего и взятки гладки.

– Благодарю за нищего.

– Я просто привёл поговорку.

– Сколько у меня времени?

– Вылет поздно ночью.

– Как вы быстро всё решаете.

– Работа такая.

Лицо Романа затвердело.

– Хорошо, я буду готов. Что необходимо взять с собой?

Афанасий с облегчением перевёл дух.

– Только самые необходимые вещи. Вас экипируют в должном порядке. Ждите, я позвоню.

Волков кивнул и вылез из машины.

Афанасий проводил его оценивающим взглядом. Перед его мысленным взором вдруг проявился призрачный палец, качнулся из стороны в сторону.

Волков исчез за дверями главного входа в институт.

И только после этого Афанасий понял, что уловил ментальный посыл экстрасенса, отреагировавшего на его пытливый взгляд.

4

Осознание в действительности – это Абсолютное Безмолвие. Или – Абсолютная Пустота. Между Явлением и его описанием – стена, стена *обусловленности*, потому что любое слово, которое могло бы передать смысл *осознания*, тотчас возвращает человека в *обыденность*.

Сущность осознающего чиста и прозрачна, ибо она воспринимает Явление, но не цепляется за слова, не преломляет, не искажает их, пропуская через себя. Они суть – ещё одна форма *обусловленности*, ограниченной прогнозированием, планированием, структурированием *непознанного*.

Поэтому оставь неуклюжие попытки описать свои ощущения, сопровождающие состояние *полусмерти*, потому что они не имеют отношения к подлинному *осознанию*. Чувствуй! – и иди к *веданью*, которое есть истинная Благость. Ибо знающие не говорят, а говорящие – не знают...

Он очнулся!

Белый потолок, белые стены, белый свет, струящийся отовсюду и не позволяющий определить размеры помещения.

И боль во всём теле, особенно – в области шеи, запястий, предплечья левой руки и щиколоток.

Ылтыын попытался повернуть голову и едва не потерял сознание от этого ничтожного движения. Увидел краем зрения белый кафель на полу, простыню, накрывавшую его тело, край лежака, на котором лежал, пристёгнутый к нему ремнями.

Вернулась память.

Он вспомнил, как его накрыли *сиуты* – так чужих недобрых шаманов называл отец. Сиутов было много, и они его просто «задавили», ослепив и оглушив «грозовыми» раскатами *иннырт* – «тонких огней». Он не знал, что за ним охотились специально, иначе вовремя ушёл бы в тундру, на север, где прибежищем мог стать любой камень.

Ылтыын зажмурился, силясь сморгнуть слезу.

Собаки бешеные! Они же сделали его больным и слабым, как белёк! А сил для сопротивления оставалось всё меньше и меньше.

Вспомнилось, как в дом к отцу – жила семья Ылтыына в яранге на берегу Чаунской Губы, в посёлке Итылкуч – прибежала соседка Лизька и с плачем попросила помочь мужу:

– Лежит, рот раскрыл, лицо кверху, не дышит совсем!

Отец Ылтыына – Мынта – был не только шаманом, но и врачом. К соседке он взял с собой и сына.

Сосед Фёдор Ляксандрыч действительно лежал на кровати без движения.

Бессмысленные остановившиеся глаза, хрип вместо дыхания, капли пота на лбу. Левая рука поднята вверх, застывшая как столбик. Испуганная жена пытается её опустить, согнуть в локте или в плече, но у неё ничего не получается.

– Пил? – поинтересовался Мынта-шаман.

– Не, совсем со вчёра не пил.

Мало чего понимавший в этом возрасте – ему исполнилось всего пять лет – Ылтыын подошёл ближе, выглядывая из-за спины отца. Показалось, что слева на виске Фёдора Ляксандрыча проступила чёрная сеточка, а в голове мигает огненный язычок.

– Что видишь? – посмотрел на него отец.

– Здесь, – несмело показал пальчиком Ылтыын на лоб больного, – светится, горит, а там паутина чёрная.

– Правильно, – кивнул отец, – инсульт у него, однако.

Взялся одной рукой за локоть торчащей руки, второй сжал запястье и легко уложил руку рядом с телом. Затем накрыл голову Фёдора двумя ладонями, замычал что-то, покачиваясь, закатил ставшие чёрными глаза.

И случилось чудо!

Хрип сменился шумом неровного дыхания, глаза больного прояснились, он застонал.

Ылтыын же увидел и другую картину: чёрная сетка слева на голове стала испаряться, исчезла, по коже побежали мелкие волны, алый огонь в голове посветлел, пожелтел, перестал жечь извилистые лепестки мозга.

Соседка кинулась целовать шаману руки.

– Успокойся, Лизька, – остановил он её, – покой ему нужен, холод, я снадобье дам, пусть растирает голову и пьёт.

– Ой, век буду делать, что скажешь, Мынта!

– Глупости не говори, однако. Пусть не пьёт ничего крепкого, даже пива. Помрёт сразу.

Как выяснилось позже, уже после приезда врача, потеря соседом сознания и проблема с рукой были вызваны кровоизлиянием в мозг. Однако лишь спустя годы Ылтыын понял, что именно сделал отец, и начал заниматься биоэнергопереносом – так это звучало по-научному – серьёзно и упорно, потому что у него тоже раскрылись способности лечить людей прикосновением рук. Ещё позже появилась и другая способность, более редкая – лечить людей с помощью слов и звуков. Если шаманы напевали свои «гимны» интуитивно, не всегда попадая в ритм жизни внутренних органов человека, Ылтыын научился делать это сознательно, создав собственную методику, что впоследствии не раз приносило свои плоды. Особенно – когда он уже работал в ФСБ.

– З-з-з-д-д-р-р-р-а-а-а-в-о-о-о... – выговорил он, рождая внутри гортани вибрации, разбежавшиеся по всему телу и восстанавливающие тонус организма.

Повторил дважды, с каждым разом всё увереннее.

Из головы убрался туман, зрение восстановилось почти полностью, боль в предплечье превратилась в гирю на руке, а из рук и шеи перетекла в пятки, стала терпимой.

В чёрной бездне головы воздушным шариком всплыло ещё одно воспоминание.

Когда он уже заканчивал институт, его пригласил к себе домой отец Александр, настоятель одного из московских православных храмов, пытавшийся заинтересовать молодого экстрасенса планами работы с молодёжью. Они долго беседовали о влиянии Церкви на прихожан, на людей, далёких от религии, на государство и мир вообще. Перешли на возможности, кривящиеся в особо одарённых монахах, и Ылтыын не удержался от вопроса:

– Батюшка, приходилось ли вам встречаться с нечистой силой?

Он ждал чего угодно, какого-то философского панегирика самому Богу или стоящим у Престола Его, и даже сказок о происках чертей, бесов и ведьм. Однако собеседник, будучи начитанным и образованным человеком, заведующим кафедрой восстановления христианских текстов в Институте Богословия, не собирался ни философствовать, ни витийствовать, ни отшучиваться, а просто сказал, тихо и спокойно:

– Каждый практикующий священник ежедневно сражается не на жизнь, а на смерть с исчадиями ада.

Он привёл много примеров беззаветного служения Господу в борьбе за души человеческие, в том числе и из своей жизни, а закончил словами:

– И тебе придётся сражаться, друг мой, причём сражаться не полемически, а с конкретными представителями тёмных сил. Храни тебя Господь!

Угадал ведь, шаман православный, пришлось-таки сыну эскимосского шамана воевать с носителями тьмы. И одержали они над ним победу, однако.

Ылтыын попытался приподнять голову, но не смог. Шея была прихвачена ремнем к лежаку, сдавливающим горло так, что воздух попадал в лёгкие тонкой струйкой.

Он напряг мышцы шеи, заставил их вибрировать и «дымить».

Ремень ослаб. Дышать стало легче.

Славно! Может, руки-ноги тоже удастся освободить?

Он занялся распахиванием ремней на щиколотках и запястьях, но освободиться до конца не успел.

Что-то щёлкнуло, открылась невидимая дверь, в помещение, посреди которого стоял лежак с пленником, вошли три человека: двое мужчин и женщина.

– Очнулся, – сказал один из них по-английски, с седой бородкой, одетый в голубой халат.

Женщина, тоже в халате, с резким, грубым, мужским лицом подошла к лежаку, внимательно оглядела его, кивнула.

– Удивительно, но он действительно в сознании.

– Что вы ему вкололи? – поинтересовался второй мужчина, помоложе, с холёным лицом и ледяными глазами; одет он был в строгий чёрный костюм с галстуком.

– В последний раз фрустаминат натрия, – ответила женщина.

– Он должен был спать.

– Не спит, как видите.

– Не придётся колоть ещё раз, – сказал седобородый с улыбкой, показывая шприц в руке, – чтобы он очнулся.

– Вы меня слышите? – обратился ледяноглазый к пленнику на русском языке.

Блтыын просканировал его и вместо головы увидел клубок серого тумана, пронизанного алыми сосудиками. Ни мысли, ни эмоции господина в чёрном прочитывать было невозможно. Он был экстрасенсом, причём *чёрным*, каких сами американцы называли блэкзорами.

– Не притворяйтесь, господин Алтынов, – проговорил блэкзор невозмутимо, – вы меня видите и слышите. Честно говоря, вы меня приятно удивили. Далеко не каждый день приходится встречаться со столь мощными паранормами.

Блтыын привычно «задёрнул шторы» защитной сферы, подумал: а вот фамилию мою тебе узнать не удалось. Что-то просочилось сквозь «шторы», когда он был без памяти, и экзекторам удалось уловить его прозвище – Алтын. Поспешил господин блэкзор называть его фамилию, не всё ему подвластно.

Американец раздвинул узкие губы в брезгливой усмешке. Он посчитал, что поразил пленника.

– Надеетесь, что вас вытащат? Напрасно. Никто не знает, где вы находитесь, да и база эта охраняется исключительно надёжно. Будете говорить?

Блтыын продолжал, не мигая, смотреть на посетителя камеры в чёрном.

– Могу предложить укол альфатропина, – сказал медик в голубом халате по-английски.

– Вы уже делали ему несколько инъекций, а толку мало, – сухо ответил блэкзор. Звали его Арчибальдом.

– К вечеру привезут мыслескан, – сказала женщина. – Запустим в голову этому придурку нанитов и всё узнаем.

Гость в чёрном покачал головой.

– Он действительно сильный экстрасенс, раз выдержал все химические атаки и электрошокеры. Даже сейчас, в состоянии фрустрации, он неплохо защищается.

– Разрешите применить «болевик»?

– Он загнётся. Чем сильнее воля перцепиента, тем сильнее воздействие излучения. – Мужчина в чёрном подумал. – А впрочем, почему бы и нет? Если не удастся разговорить его традиционными способами, попробуем групповой брейнсторминг, а потом испытаем «болевик».

Седобородый приблизил своё лицо к лицу пленника.

– Вы понимаете, что умрёте или в лучшем случае станете идиотом?

Ылтыын молчал.

– Русика сволотш! – прошипела женщина, так же наклоняясь к лежащему. – Всё равно заговоришь, рано или поздно!

Ылтыын наотмашь хлестнул её по лицу мысленно-волевым «джебом», и женщина отшатнулась, бледнея.

Блэкзор засмеялся.

– Хорош экземпляр, не правда ли? Надо перевезти его в наш пенсильванский военный госпиталь для исследований. Хотелось бы выяснить, как русские готовят таких разведчиков, с помощью каких методик.

– Если он выживет.

– Посмотрим.

Женщина, сжав зубы в кроваво-красную полоску, одарила пленника угрожающим взглядом, вышла первой.

Седой медик, также получивший ментальную «оплеуху», покачал головой:

– Вы роете себе могилу, милейший. К вечеру прибудет мыслескан, а утром соберутся нужные для формирования пси-манипулятора люди. Вы всё равно расскажете о своих хозяевах всё, но останетесь идиотом.

Ылтыын не ответил.

Посетители вышли.

Из коридора донеслись затихающие голоса:

– Крепкий орешек.

– Ничего, и не таких кололи...

Ылтыын застонал, понимая, что шансов спастись у него нет. Но и идиотом становиться не хотелось.

Он приказал себе расслабиться и успокоиться. Его собирались «расколоть» как орех, вывернуть психику наизнанку и овладеть сознанием. Уберечь себя от энергетического нападения он не мог, мог только сопротивляться на том уровне, которого достиг. А для этого надо было сначала заставить себя ничего не бояться. И не злиться. Страх и гнев за секунды разрушают биополевую защиту человека, что и мешает ему противостоять магии и колдовству, а также сущностям из тонкого мира и озлобленной толпе.

Да, все эти приёмы представляли собой банальные истины, известные людям на протяжении всей истории человечества. Но много ли вы знаете не банальных способов защиты от магических или экстраэнергетических атак?

Ылтыын закрыл глаза, сосредоточился на энергетических узлах, так называемых чакрах.

Главными признаками поражения человека биоэнергетическим «оружием» являлись апатия, нежелание сопротивляться слабости, потеря интереса к жизни, пессимизм и лень на фоне ничем не оправданной гордыни. То есть депрессия и синдром хронической усталости. С этим можно было бороться, и Ылтыын знал – как. Сдаваться он не умел. Не любя себя как совершенное творение Света, не задумываясь об ответственности за сохранение своего духовного и физического уровня, отвергая помощь тех, кто может её оказать, невозможно «возлюбить ближнего, как самого себя». Невозможно даже набраться сил, чтобы дать отпор накопленному человечеством негативу и обрести – пусть не счастье, о котором так много болтают фарисеи, но хотя бы – уверенность в себе.

Кровь по жилам заструилась веселее.

«Жаба» перестала сидеть на груди и душить.

Помощь, – вцепился он в удивительно красивое слово. Неужели не найдётся тот, кто может помочь? Ведь в центре знают, что он захвачен. Неужели не помогут?

Ылтыын усилием воли «вышел из тела», поднялся над собой, чувствуя внезапно обретенную лёгкость и свободу, просочился сквозь потолок помещения, сквозь толщу скал, взлетел над сопкой и над всем островом, хотя видел его иначе, не глазами, как большую пористую лепёшку, плывущую по морю.

Кто-то посмотрел на него со стороны, удивлённо и озадаченно.

Ылтыын встрепнулся, повернул к нему «локатор» экстрасенсорики, пытаясь разглядеть цвет ауры человека. Понял, что тот не несёт вуали злобы и ненависти.

«Помоги!»

Ещё один взгляд, несущий ошеломление, недоверие и сомнения.

«Я Ылтыын Юря, захвачен в плен американской контрразведкой. Прошу помощи!»

«Жди, – прилетел тихий, как вздох ребёнка, почти неслышный ментальный «шёпот», – мне нужно посоветоваться».

Ылтыын вернулся в тело, открыл глаза, прислушиваясь к тишине камеры. И вдруг поверил в чудо.

Губы его тронула слабая улыбка.

5

Пришлось подписать документ под смешным названием ПОНТ.

Роман сделал это с ощущением, будто всё это с ним происходит во сне. Тревоги и беспокойства он не испытывал, словно играл в компьютерную игру, зато чувствовал жадный интерес и желание проверить свои силы. Палец Олега Харитоновича перестал покачиваться перед мысленным взором физика, переходящего в иную сферу деятельности. Самому же Роману казалось, что он всегда сможет вернуться обратно из «колдовских далей», спуститься на грешную землю и заниматься тем, чем занимался раньше.

Кроме ПОНТа он подписал ещё какие-то документы, не особенно вчитываясь в их содержание.

Затем началась такая суeta и спешка, что опомнился он уже на борту сверхзвукового реактивного самолёта «Falcon 2020EX», взлетевшего с военного аэродрома в Кубинке ночью двадцать второго сентября.

До этого Роман ни разу не летал на подобных самолётах, использующихся компаниями бизнес- и VIP-авиации. Как оказалось, «Falcon» применялся и спецслужбами.

Всего команда Афанасия Вьюгина состояла из пяти человек, включая его самого. Это были экстрасенсы, работающие на ФСБ, и отзывались они только на имена, больше напоминающие клички: Зюма, Крист и Джокер.

К ним позже присоединилась группа из Управления спецопераций в составе шестнадцати человек, все – молодые неразговорчивые парни, не желавшие общаться с посторонними. Лишь их командир, невысокий, но плотный, светловолосый, к которому все обращались Макей (звания его Роман так и не узнал), пожал руки всем экстрасенсам, как бы подчёркивая, что от них зависит очень многое, и долго выяснял с Вьюгиным детали операции.

– Ты в резерве, – сказал Афанасий Волкову. – Вступишь в игру только по моей команде. А пока изучай остров.

Роман включил органайзер, воткнул в ухо пуговку вокера, надел очки, и перед глазами развернулась панорама острова Нунивак, где, по данным разведки, в бункерах базы содержался русский разведчик Алтын – Ылтыын Юря.

Остров от материка отделял пролив Этолин. Никаких мостов здесь строить не собирались. Но в том, что остров каким-то образом соединяется с Аляской, сомнений не было. В противном случае базу на Нунивике ЦРУ не построило бы.

– Там есть аэродром? – наклонился к уху Афанасия Роман.

– По нашим данным, он используется только гражданской авиацией, да и то редко.

– Порт?

– Один небольшой причал у Мекорьюка назвать портом трудно.

– Тогда остаётся одно...

– Тоннель.

– Как же мы попадём на базу?

– Тебе вообще туда нельзя соваться, да и нам тоже. Эти ребята, – Вьюгин кивнул на команду Макея, – справятся без нас. Главное – вывести их в нужную точку.

– Хорошо, если бы вы сообщили мне план действий.

– Давай на «ты», проще общаться.

– Хорошо.

– Изучишь особенности места действия, дам план.

– А если нас обнаружат?

– Во-первых, вряд ли. Мы давно уже не хлебаем щи лаптями. Во-вторых, нас прикроют в случае провала.

– Кто?

– Не догадываешься?

– Лётчики?

– Вторая эскадрилья СВО, базируется на Камчатке. Новейшие «Сушки» пятого поколения. Время подлёта к острову – восемь минут.

– Круто! И всё же я не совсем понимаю, как мы доберёмся до Нунивака.

– В пять часов вечера сядем на военном аэродроме Чаплино, на Чукотке. За два часа доберёмся до посёлка Лаврентия на побережье одноимённого залива, где нас будет ждать субмарина.

– «Юрий Долгорукий»? – вспомнил Роман название одного из атомных ракетноносцев, вычитанное в газете.

– Нет, эта лодка совсем новая, – усмехнулся Афанасий. – Ходит абсолютно бесшумно. Высадит нас где надо.

– Значит, и мы будем высаживаться?

– Я неточно выразился. Вся операция пройдёт ночью, мы будем сопровождать спецгруппу виртуально. Наша задача – вычислить местонахождение пленника в подземном бункере и направить группу кратчайшим путём.

– Не зная плана помещений базы?

– Это нам и предстоит выяснить, – будничным тоном проговорил Афанасий.

Роман не нашёлся, что ответить. Он вдруг понял, что всё это происходит с ним наяву, а главное, отказаться помогать команде, в первую очередь, и во вторую – всей конторе, уже нельзя. Отказ будет выглядеть как трусость и предательство.

И ещё он осознал простую вещь: операции с применением экстрасенсов ФСБ проводит не в первый раз, иначе трудно объяснить непоказное спокойствие майора и его сотрудников. Они уже участвовали в подобных мероприятиях.

Впрочем, мелькнула мысль, нынче, наверно, все спецслужбы используют экстрасенсов, потому что это серьёзное оружие, несмотря на возникновение новых супертехнологий и совершенствование оружия физического.

Афанасий протянул ему ещё одну флэшку.

Роман занялся изучением систем охраны базы ЦРУ на Нуниваке. Вопрос: откуда эти сведения у Выюгина? – он задавать не стал. И так было ясно, что на Аляске работает не один русский разведчик, и вполне возможно, кто-то из них служил и в самом ЦРУ.

До Чаплино долетели за четыре часа.

Перегрузились в новые вездеходы «Росомаха» российского производства. Вездеходы вмещали до четырёх тонн груза либо восемнадцать пассажиров. У них были гигантские колёса двухметрового диаметра, позволявшие машинам преодолевать любые препятствия и пересекать реки и болота.

По дороге, соединявшей посёлки Чаплино и Лаврентия, вездеходы не пошли. Нырнули на восток в лес и попёрли между сопками, сокращая расстояние как минимум втрое.

Перед отправлением Роман стал свидетелем применения технологии «стелс» на вездеходах, хотя до этого считал, что сделать объекты невидимыми можно только при определённой аэродинамике этих объектов, таких как самолёты, ракеты и морские корабли.

На аэродроме, прямо в ангаре, на вездеходы подвесили необычные антенны в форме ежей.

– Контроль! – объявил Макей.

Установки сработали, по колючкам «ежей» пробежали искры, и над вездеходами выросли «мыльные пузыри», искажившие форму машин и практически скрывшие их размеры.

– Добавьте вниз на ноль три, – попросил Макей по рации.

«Мыльные пузыри» покрылись цветными пятнами... и вездеходы стали почти невидимыми!

– Здорово! – восхитился Роман.

Афанасий покосился на него.

– САЗ.

– Что?

– Спецсредства активной защиты.

– Голография?

– Адаптивная голография. – Майор многозначительно поднял вверх палец. – Подстраивается под окружающий ландшафт. Так можно маскировать любые объекты, даже крейсера. Сверху нас никто не увидит.

Тем не менее во время похода вездеходы дважды останавливались, включая защитную маскировку.

Первый раз – когда над Чукоткой пролетал американский спутник. Второй – когда командиру отряда доложили о пролёте над Беринговым проливом самолёта-разведчика SR-2010. Он имел такую чуткую аппаратуру, что мог свободно засечь движение машин по тайге.

– На всякий случай перестрахуемся, – проворчал Афанасий, отвечая на вопросительный взгляд Волкова.

Стемнело, но свет не включали. Компьютерные видеонавигаторы позволяли обходиться без прожекторов, используя коротковолновые локаторы.

В пути команда Вьюгина переделалась.

Роману достался комбинезон «Север-20», не стесняющий движений, снабжённый системой принудительной вентиляции, удаляющий при необходимости отходы метаболизма.

Роману костюм понравился. Через полчаса он вообще перестал замечать, что на нём плотный, напичканный электроникой и нанотроникой комбинезон, имеющий исключительно надёжную систему маскировки «хамелеон».

К посёлку Лаврентия добрались за три с лишним часа, когда время перевалило за полночь. На берегу небольшой бухточки пересели на катер, который доставил приезжих на борт подводной лодки, не имевшей не только названия, но и номера. Сами моряки уважительно называли её «касаткой».

С виду, то есть со стороны моря, лодка казалась небольшой, если судить по выступающему из воды обтекаемому пузырю рубки. Однако внутри она была под стать океанским субмаринам, и отряд Макея с группой Вьюгина разместились по кубрикам без каких-либо осложнений.

– Два часа на отдых, – сказал Афанасий в одном из кубриков, где расположились его подопечные. – Подъём в половине третьего. Вопросы есть?

Вопрос у Романа имелся: как бойцы Макея проникнут на базу? Из плана операции, изученного им за время перелёта, никаких выводов относительно этого сделать было нельзя. Но задавать вопрос Волков не решился, подумав, что в нужный момент ему всё расскажут.

Спал он хорошо, умея не замечать неудобства вроде храпа.

Храпел экстрасенс по имени Джокер, и это было удивительно, так как люди с такими характеристиками должны были уметь регулировать собственные физиологические процессы.

Проснулся Роман от «звонка» внутреннего «будильника». И тотчас же его плеча коснулась рука Вьюгина:

– Пора.

На сборы ушло пять минут.

Умылись, хлебнули тоника.

Майор исчез и появился через минуту.

– Выходим.

По одному протиснулись в люк, поднялись в рубку, а из неё – на «крышу» подлодки.

Роман вылез и застыл, окунувшись в море звёзд, раскинувшееся над заливом Этолин. Небо было чёрное, бездонное, безоблачное, звёзды – крупные, яркие, каких не увидишь в небе над городами.

Вьюгин толкнул его в спину.

– Что остановился?

– Звёзды...

– В тебе романтик заговорил?

– Давно не видел таких звёзд.

– Как-нибудь полюбуемся звёздами вместе, мне тоже нравится глазеть на небо. Готов?

Роман очнулся, глянул по сторонам.

Вокруг царил мрак. Море ощущалось только по тихому плеску волн о борт субмарины и йодистому запаху. Острова Нунивак видно не было, но Роман чувствовал его присутствие в километре от лодки. Температура в этих краях не превышала десяти градусов Цельсия, но благодаря костюмам не ощущалась вовсе.

– Где десант?

– Уже на берегу. Садись в катер.

– А говорил, что нам нельзя соваться на остров.

– Мы и не полезем туда, будем сидеть в катере.

Роман внутренним волевым усилием отрегулировал диапазон зрения.

Стал виден катер – чёрная сигара с эллипсоидом рубки.

– Нас не засекут?

– Катер весь из композитных материалов, не отражающих радиоволны. К тому же он снабжён «хамелеоном». Залезайте.

Экстрасенсы один за другим спустились в судёнышко по верёвочной лестнице с пластиковыми перекладинами. Вьюгин переговорил с сопровождавшим их матросом, спрыгнул в катер последним.

Судно бесшумно отодвинулось от борта подводной лодки, заскользило по почти невидимой глади залива на юг. Гребного винта оно не имело, и услышать его движение было практически невозможно.

Чёрный пузырь лодочной рубки затерялся во мраке.

Перед носом судёнышка вырос ощутимо массивный чёрный горб.

Катер остановился.

– Внимание! – приглушённым голосом сказал Афанасий; лица его в темноте разглядеть было невозможно, но Роман почувствовал, как оно затвердело до состояния камня. – Десант на месте, готов действовать. Начинаем работу.

– Где – на месте? – не удержался от вопроса Роман.

– Вербализация таких сведений во время операции, – холодно отозвался один из экстрасенсов, похоже, – Джокер, – недопустима. Хочешь узнать – сам попробуй. – Раздался смешок. – Если ты сенс.

Вьюгин никак не отреагировал на это высказывание.

– Включайтесь в процесс, время пошло!

Роман хотел спросить: что значит – включайтесь? – и вдруг понял, что это тест на пригодность. Он должен был сам добиться каких-то результатов, без помощи извне, без наводящих пояснений и бесед. В случае же неудачи (какое неприятное слово, даже под ложечкой засосало) его ожидало «разжалование в рядовые» без шанса попытать счастья второй раз.

Растерянность, подправленная вспыхнувшей злостью, длилась две секунды.

Роман толчком сердца запустил «обнуление» эмоций и заставил «вспыхнуть» энергетические центры организма вдоль позвоночника – чакры. Последней засветилась макушечная

сахасрара-чакра, превратив его в своеобразную «люстру», а вернее – в чувствительнейшую из всех существующих природных антенн.

Вокруг посветлело, словно наступило утро.

Стали видны изрезанные склоны берега, чёрная вода залива.

Роман огляделся, сосредоточился на вхождении в состояние самадхи, как обозначали его древние индусы, или состояние просветления, и *вышел* из тела, поднимаясь вверх бесплотной струйкой «тонкой» энергии.

Когда-то в детстве на него произвёл большое впечатление роман Джека Лондона «Странник по звёздам», герой которого, находясь в плену, в тюремной камере, да ещё в смиренной рубашке, научился выходить из тела и путешествовать по временам и пространствам, изучать жизнь людей и видеть их творения в любом уголке земного шара. Научился этому и Роман, хотя слово «видеть» не совсем отражало те ощущения, которые он испытывал. Да, он *видел* мир вокруг, и своё тело тоже, но иначе, не глазами.

Лёгкий, как привидение, он взлетел над островом, обнимая своей чувствительной оболочкой всю его твердь. И вдруг наткнулся на чей-то удивлённый *взгляд*. Замер, бросая во все стороны «щупальца» своего ментального «локатора».

Обладатель взгляда оказался под землёй, но его связывала пульсирующая световая нить с почти невидимой струйкой ментальной энергии. Он тоже мог выходить из тела!

«Помогите!» – прилетел слабый всплеск поля, потонувший в природных шумах.

Роман облетел струйку чужого «духа», изучая его цвет.

Цвет «привидения» был прозрачно-голубым, а по краям оно было одето в оранжевую бахрому. Обладатель «духа» испытывал боль.

«Я Ылтыын Юря, захвачен в плен американской контрразведкой. Прошу помощи!»

«Жди, – ответил Роман, – мне нужно посоветоваться».

Превратившись в световое копье, он упал с высоты на катер у берега, нырнул в тело. Наступила темнота. Показалось, что он зажат в невероятной тесноте.

– Понял? – прошелестел наушник рации.

Роман не сразу сообразил, что имел в виду Вьюгин.

– Он внизу...

– Я и так знаю, что он внизу. Где конкретно?

– Он только что вышел на связь.

Лицо Вьюгина придвинулось к лицу Романа. Он его не видел, но чувствовал тепло.

– Как – на связь?!

– Я слышал его призыв. Он сказал: «Прошу помощи».

– Ты поймал его мысли? – недоверчиво спросил Афанасий.

– Он тоже экстрасенс, мы с ним «сидим» на одной пси-частоте. Это не мысли и не слова... но я его понимаю.

– Укажи точное место.

Роман обругал себя самыми последними словами, пробормотал торопливо:

– Сейчас...

Рывком выбросил своё сознание из тела, «растёкся» по острову, проник в его породы, во все щели и дыры. Замелькали светлые полости, коридоры, шахты, лифтовые коробки, перемишки и стены, пронизанные светящимися прожилками электропроводов и кабелей. Ориентироваться в этом рукотворном хаосе было сложно, потому что Роман проделывал такое впервые, да и анализировал возникший в голове – минуя синапсы системы зрения – пейзаж первый раз в жизни, однако всё же сумел разобраться в пёстрой объёмной картине и нашёл пленника.

– Он в камере... один... двигаться не может, привязан к лежаку.

– Этаж, номер камеры, направление, ближе к морю, дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.